

. II.

[Stable URL: <http://elar.uni Yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/301>]

[2011: :]

« » / (.). I .

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Научно-образовательный Центр антиковедения

**КОЛЛОКВИУМЫ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА.
Ч.II. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И ДРЕВНИЙ РИМ**

Тема V

**ВОЙНЫ ДИАДОХОВ И ОБРАЗОВАНИЕ
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ**

*Методические указания по самостоятельной подготовке
для студентов I курса бакалавриата
направления «История»*

Составители Т.В. Григорюк, В.В. Дементьева

Ярославль 2011

ВОЙНЫ ДИАДОХОВ И ОБРАЗОВАНИЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

- 1. Распад державы Александра и начало войн диадохов (323-319 гг. до н.э.).**
- 2. Период возвышения Антигона I Монофтальма (319-301 гг. до н.э.).**
- 3. Крушение державы Антигона I, завершение войн диадохов и создание устойчивых государственных образований.**

Основная учебная литература:

1. История Древней Греции: Учеб. / Ю.В. Андреев, Г.А. Кошеленко, В.И. Кузищин, Л.П. Маринович; Под ред. В.И. Кузищина. М., 2003. С. 40-54.
2. Ляпустин Б.С., Суриков И.Е. Древняя Греция. Учеб. пособие для вузов. М., 2007. С. 440-454.

Дополнительная литература:

1. Абакумов А.А. Слоновый корпус Селевка в битве при Ипсе (301 г. до н.э.) // Известия Алтайского государственного университета. История. 4-1 (68). 2010.
2. Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982.
3. Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985.
4. Казаров С.С. История царя Пирра Эпирского. СПб., 2009.
5. Королев К. Войны античного мира: Македонский гамбит. М., СПб., 2003.
6. Самохина Г. С. Об одном эпизоде из истории диадохов. «Год царей» и его политические итоги // Античная древность и средние века. Свердловск, 1988. С. 44-51.
7. Смирнов С.В. Формирование государства Селевкидов при Селевке I (политический и социально-экономический аспекты): Авт. дисс... к.и.н. М., 2011.
8. Хабиخت Х. Афины: История города в эллинистическую эпоху. М., 1999.
9. Шофман А.С. Распад империи Александра Великого. Казань, 1984.

- 1. Распад державы Александра и начало войн диадохов (331-319 гг. до н.э.)**

Смерть Александра Македонского в Вавилоне. Возможные претенденты на престол, конфликт в армии. Раздел территорий между диадохами. Регентство Пердикки. Наместничество Антипатра в Европе. Ламийская война, ее основные участники и события. Столкновение Эвмена с Кратером. Поход Пердикки в Египет и его гибель. Соперничество в Трипарадесе, передел сатрапий. Борьба Антигона с Эвменом.

- 2. Период возвышения Антигона I Монофтальма (319-301 гг. до н.э.)**

Смерть Антипатра. Соперничество Кассандра и Полисперхонта. Поражение и гибель Эвмена . Усиление могущества Антигона. Конфликты Антигона с другими диадохами. Установление в Греции власти Кассандра. Поражение Деметрия, сына Антигона в битве при Газе, его дальнейшие действия. Борьба Антигона с Селевком, Птолемеем, Кассандром. Мирное соглашение 311 г. до н.э. и возобновление борьбы. Экспедиция Деметрия в Грецию, его взаимоотношения с греческими городами. Разгром Деметрием флота Птолемея при Саламине. Принятие диадохами царских титулов. Осада Деметрием Родоса. Возобновление Коринфского союза.

3. Крушение державы Антигона I, завершение войн диадохов и появление устойчивых государственных образований.

Объединение диадохов против Антигона и Деметрия. Битва при Ипсе, гибель Антигона и раздел его державы между соперниками. Смерть Кассандра. Захват Деметрием трона Македонии, его отношения с Пирром и Лисимахом. Правление Деметрия в Македонии, его свержение, бегство и смерть в плену. Конфликты Пирра, Лисимаха и Антигона Гоната. Гибель Лисимаха в битва при Курупедионе. Краткое правление в Македонии Птолемея Керавна, его гибель. Утверждение в Македонии династии Антигонидов. Царства Селевкидов и Птолемеев, остальные эллинистические государства.

При ответах на вопросы необходимо знать следующие имена:

Пердикка, Антипатр, Полисперхонт, Селевк, Антигон Монофталм, Птолемей Лаг, Лисимах, Эвмен, Кратер; Деметрий Полиоркет, Кассандр, Антигон Гонат, Птолемей Керавн, Антиох Сотер; Александр IV, Филипп III Арридей, Олимпиада, Леосфен, Деметрий Фалерский, Пирр.

ФРАГМЕНТЫ ИСТОЧНИКОВ ПО ТЕМЕ «ВОЙНЫ ДИАДОХОВ И ОБРАЗОВАНИЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ»

**Корнелий Непот. Биография Эвмена,
из сборника «О знаменитых иноземных полководцах»**

В краткой биографии сподвижника Александра Великого Эвмена, написанной римским автором II века до н.э. Корнелием Непотом, даются основные вехи жизненного пути этого полководца. Впоследствии многие факты из книги Непота были упомянуты Плутархом.

1. Эвмен из Кардии. Если бы участь этого человека соответствовала его доблести, он мог бы добиться большей славы и больших почестей, но не большего величия, ибо мера великого человека — добродетель, а не успех. Время его жизни пришлось на эпоху расцвета Македонии, и, живя среди македонян, он испытывал большие неудобства из-за своего иноземного происхождения — более всего доставало ему знатного имени. И хотя у себя дома он принадлежал к почтеннейшему роду, случалось, что македоняне считали для себя зазорным подчиняться ему, хотя и терпели его власть, ибо не было человека более прилежного и трудолюбивого, более терпеливого, хитрого и находчивого, чем он. Еще в отрочестве познакомился он с Филиппом, сыном Аминты, и, блистая с юных лет природными дарованиями, вскоре стал его доверенным лицом. Тот держал его при себе в качестве секретаря, а чин этот ценится у греков гораздо выше, чем у римлян. Ведь у нас писцы не без основания считаются наемниками, у них же, напротив, на эту должность допускаются только почтенные люди испытанной честности и усердия, поскольку писец неизбежно причастен ко всем замыслам господина. Благодаря дружбе с Филиппом, Эвмен занимал это место 7 лет, а когда царя убили, в том же чине служил Александру 13 лет. В последнее время он командовал также одним из отрядов всадников, которые назывались гетайрами. Всегда он присутствовал на советах обоих царей и участвовал во всех их делах.

2. После кончины Александра в Вавилоне друзья его делили между собой владения, а верховный надзор за державой получил Пердикка, которому Александр перед смертью передал свое кольцо: по этому знаку все признали, что Александр доверил ему править царством до совершеннолетия своих детей, ибо отсутствовали Кратер и Антипатр, которые считались влиятельнее Пердикки, и мертв был Гефестион, которого Александр, как легко можно было заметить, ценил очень высоко. В это время Эвмену дали, или скорее назначили, Каппадокию, находившуюся тогда во власти неприятеля. Усматривая в этом человеке величайшую честность и усердие, Пердикка изо всех сил постарался добиться его поддержки, ибо не сомневался, что, перетянув Эвмена на свою сторону, получит от него большую пользу в том деле, которое затевал. А замышлял он то, чего домогаются почти все, подвизающиеся на вершинах власти, — захватить и присвоить долю всех соперников. Так вел себя не только он один, но и все прочие бывшие друзья Александра. Первым Леоннат вбил себе в голову перехватить у них Македонию. Не скупясь на щедрые обещания, он горячо уговаривал Эвмена покинуть Пердикку и заключить союз с ним самим. Не сумев же переманить, попытался его убить, что исполнил бы, если бы Эвмен тайно ночью не бежал из его стана.

3. Между тем разгорелись те самые войны, которые столь ожесточенно велись после смерти Александра, и все соединили силы для разгрома Пердикки. Хотя Эвмен видел слабость того, кто вынужден был один стоять против всех, однако не покинул друга, не предпочел выгоду чести. Пердикка поручил ему управлять той частью Азии, которая расположена между горами Тавра и Геллеспонтом, противопоставив его одного противникам, находившимся в Европе, а сам выступил против Птолемея на завоевание Египта. Эвмен располагал малочисленным и слабым войском — только что набранное, оно было еще не

обучено — а приближались, перейдя, по слухам, Геллеспонт, выдающиеся и прославленные полководцы Антипатр и Кратер с большой македонской армией, причем македонские солдаты славились тогда так же, как ныне римские — ведь самыми доблестными считаются всегда воины самого могущественного государства. Эвмен понимал, что если его люди узнают, против кого их ведут, то не только откажутся выступить в поход, но разбегутся при первом известии о противнике. Тогда он счел за лучшее вести их окольными путями, где они не могли бы услышать правду, внушив им, что идет на каких-то варваров. План этот он выполнил, как задумал, так что построил войско к бою и вступил в сражение прежде, чем солдаты его узнали, с кем предстоит им биться. К тому же, имея перевес в коннице и уступая врагу в пехоте, он заранее занял позицию, позволяющую ему вести бой преимущественно силами всадников.

4. В ожесточенном конном сражении прошла значительная часть дня, пали тогда командующий Кратер и заместитель его Неоптолем, с которым сразился сам Эвмен. Обхватив друг друга руками, эти бойцы свалились с коней на землю, и можно было видеть, какой ненавистью вдохновляется их борьба и как яростно противоборствуют не только их тела, но и души; объятие разомкнулось лишь тогда, когда один из них испустил дух. Хотя противник нанес Эвмену несколько ран, тот не покинул поле боя, но еще ожесточеннее обрушился на неприятелей. И вот, когда македонская конница была разбита, когда погиб Кратер и попало в плен множество самых знатных лиц, пешее войско, заведенное в такое место, откуда оно не могло выбраться против воли Эвмена, запросило у него мира; добившись же своего, нарушило условия и при первой же возможности переметнулось к Антипатру. Кратера вынесли из боя полумертвым, и Эвмен приложил все усилия, чтобы возвратить его к жизни; когда же это не удалось, то ради достоинства сего мужа и во имя их прежней дружбы (при жизни Александра они были приятелями) устроил ему пышные похороны и отослал его прах в Македонию жене и детям.

5. Пока это происходило у Геллеспонта, Селевк и Антиген убили близ Нила Пердикку, и верховная власть перешла к Антипатру. Тогда войско, проголосовав, заочно приговорило к смерти тех, кто не отказывался от борьбы. Среди них был Эвмен. Получив такой удар, он не сдался, продолжал все так же упорно вести войну, но тяжелые обстоятельства если не сломили, то поколебали его мужество. Антигон, преследовавший Эвмена, в избытке обладал всеми видами войск, но тот часто нападал на него в пути и допускал завязать схватку только в тех местах, где малая рать могла противостоять большой. В конце концов, его одолели если не искусством, то превосходством сил. Понеся большие потери, он ускользнул и бежал во Фригию, в крепость под названием Нора. Сидя там в осаде, стал он беспокоиться, как бы долгое пребывание на одном месте не повредило боевым коням, поскольку выезжать их было негде. И вот он изобрел хитрое приспособление, с помощью которого можно было тренировать скотину до пота, чтобы она имела хороший аппетит и не застаивалась. Он так высоко подвязывал ремнем голову лошади, что ей трудно было доставать передними ногами до земли, а затем, стегая плетью, заставлял ее скакать и брыкаться. Прodelывая такие движения, она потела не меньше, чем если бы ее гоняли на открытом пространстве. Потому-то все удивлялись, когда он, просидев в осаде много месяцев, вывел из крепости таких ухоженных коней, как будто держал их в лугах и долинах. Во время этого заключения он не раз по своей прихоти то сжигал, то разрушал осадные орудия и укрепления Антигона. На месте он оставался, пока длилась зима, поскольку не имел возможности разбить лагерь под открытым небом. Когда же повеяло весной, притворился, что сдается и, заведя переговоры об условиях, обманул антигоновых офицеров и благополучно вышел на волю сам и вывел своих людей.

6. Олимпиада, мать Александра, отправила к Эвмену в Азию письма и гонцов, советуясь, возвращаться ли ей назад в Македонию — а жила она тогда в Эпире — и восстанавливать ли свою власть в этой стране. Он посоветовал ей, во-первых, не трогаться с места и ждать, пока на престол не взойдет сын Александра, во-вторых, если у нее есть особая причина спешить в Македонию — забыть все обиды и никого не подвергать суровым преследова-

ниям. Всеми этими соображениями она пренебрегла — и в Македонию отправилась и стала вести там себя самым жестоким образом. При этом она заочно молила Эвмена, чтобы он помог детям Александра, не позволил врагам филиппова рода и семьи истребить его потомство; если он согласен оказать такую услугу, пусть как можно скорее готовит войска и ведет их ей на подмогу; а чтобы дело шло лучше, она-де письменно повелела всем офицерам, сохранившим верность, чтобы они подчинялись ему и слушались его приказов. Увлечшись этими обещаниями, Эвмен решил, что коли так велит судьба, то лучше погибнуть, воздавая добром за добро, чем жить неблагодарным.

7. Итак, он собрал войска и приготовился воевать с Антигоном. А поскольку при нем было много знатных македонян — в том числе Певкест, бывший телохранитель Александра, управлявший теперь Персидой, и Антиген, командир македонской фаланги, то он побоялся (и опасения его оправдались), будучи иноземцем, взять на себя главное командование в ущерб другим македонянам, которые толпились вокруг него. Итак, от имени Александра он поставил посреди лагеря палатку, приказал поместить в ней золотой трон, скипетр и диадему и велел всем ежедневно там собираться и держать совет о важнейших делах; ему казалось, что будет меньше зависти, если он станет вести войну будто бы от имени Александра и как бы его властью. Так он и сделал. И поскольку сходились и совещались не в палатке Эвмена, а в царском шатре, было не слишком заметно, что все дела вершатся по его воле.

8. В Паретакене он столкнулся с Антигоном — не в бою, а во время похода — и, причинив ему ущерб, заставил его отойти на зиму в Мидию. Сам же разместил свои войска на зимнюю стоянку в ближайшей области Персиды — не по собственной воле, а подчиняясь желанию солдат. Ибо та знаменитая фаланга Александра Великого, которая прошла всю Азию и победила персов, привыкнув и к славе и к своеволию, не желала подчиняться вождям, но стремилась командовать ими, как сейчас делают наши ветераны. И есть опасение, как бы наши воины не натворили того, что совершили тогда македоняне, которые со свойственной им распушенностью и своеволием сокрушали всех подряд — союзников не меньше, чем врагов. Если кто-нибудь прочтет о похождениях тех ветеранов, то поймет, как они похожи на наших, усмотрев разницу только во времени жизни. Но возвратимся к македонянам. Заняв зимние квартиры не по военному расчету, а ради роскошного времяпрепровождения, они широко распылили свои силы. Проведав об этом, Антигон, понимавший, что уступает противнику, когда тот настороже, решил прибегнуть к неожиданной хитрости. Были две дороги, по которым он мог добраться из своего зимнего лагеря в Мидии до зимних стоянок неприятеля. Более короткая проходила по пустынным местам, где никто не жил из-за нехватки воды; занимала она всего около десяти дней. Та же дорога, которой все пользовались, образовывала вдвое длиннейший крюк, но была многолюдна и изобиловала припасами. Антигон понимал, что если он двинется по второму пути, то весть о его приближении дойдет до врагов раньше, чем он пройдет треть расстояния; одолев же глухие места, надеялся уничтожить противника врасплох. Для выполнения этого плана он приказал заготовить как можно больше мехов и бурдюков, а также фуража и вареной пищи на десять дней, дабы разводить на стоянках как можно меньше огня. Цель пути была ото всех скрыта. Приготовившись таким образом, Антигон выступил в поход по избранной дороге.

9. Он прошел почти половину пути, когда дым его лагеря возбудил подозрение, и Эвмену донесли о приближении врага. Собрались полководцы и встал вопрос: что делать? Все понимали, что Антигон, очевидно, окажется на месте раньше, чем удастся стянуть собственные силы. В то время, как прочие командиры колебались и во всем отчаивались, Эвмен заявил, что если они захотят проявить расторопность и согласятся исполнять приказания, которым не подчинялись раньше, то он найдет выход из положения: поскольку неприятель может одолеть путь за пять дней, он сделает так, чтобы тот задержался вдали по крайней мере еще на такой же срок; командиры же пусть разойдутся и пусть каждый соберет своих людей. Чтобы задержать нападение Антигона, Эвмен придумал следующий

план: он отправил несколько человек к дальним горам, стоявшим на пути неприятеля, и приказал, чтобы в первую ночную стражу они развели как можно больше самых ярких костров, во вторую — уменьшили огонь, а в третью — притушили его; подражая лагерным порядкам, они должны были внушить врагам подозрение, что в тех местах разбит воинский стан и что противник извещен об их приближении; то же самое предстояло им проделать и на следующую ночь. Люди, получившие это поручение, исполнили его весьма старательно. Едва наступил вечер, Антигон увидел огни и поверил, что, извещенные о его приходе, враги стянули туда свои войска. Тогда он переменял намерение и, поскольку не удалось атаковать внезапно, свернул с пути и двинулся по более извилистой, длинной и оживленной дороге; там он задержался на один день, чтобы дать отдых воинам и подкрепить скот, а потом, со свежими силами, вступить в бой.

Так Эвмен перехитрил коварного полководца, запутав его стремительный ход. Впрочем, это не принесло ему удачи: выйдя из боя победителем, он был выдан Антигону из-за ревности бывших при нем полководцев и вследствие измены македонских ветеранов, хотя раньше, в разное время, войско трижды клялось защищать и никогда не покидать его. Такую уж зависть питали некоторые люди к его доблести, что ради гибели его готовы были поступиться своей честью. Антигон же, злейший враг Эвмена, пощадил бы его, будь на то согласие друзей, так как понимал, что Эвмен мог бы стать лучшим его помощником в тех испытаниях, которые теперь явно угрожали всем. Ибо наступали уже Селевк, Лизимах и Птолемей, обладавшие мощными ратями, с которыми Антигону предстояло бороться за верховную власть. Но не потерпели этого люди из окружения Антигона, понимавшие, что если Эвмен будет принят в их ряды, то все они окажутся по сравнению с ним ничтожествами. А сам Антигон был так зол на него, что смягчить его могла только твердая надежда на великие совместные предприятия.

11. Итак, он отдал Эвмена под стражу, а когда начальник тюрьмы спросил, как содержать пленника, ответил: "как свирепейшего льва или бешеного слона", — поскольку сам еще не решил, сохранить узнику жизнь или нет. Самые разные люди навещали Эвмена — и ненавистники, желавшие усладить свой взор его бедой, и старые друзья, хотевшие поговорить с ним и утешить его; были еще многие люди, стремившиеся поглядеть, каков собой тот человек, которого они так долго и так сильно боялись, чье несчастье сулило им надежду на победу. А Эвмен, просидев в заключении некоторое время, сказал Ономарху, главному темничному стражу: он мол, удивляется, почему его уже третий день держат взаперти; неприлично благородному Антигону так издеваться над побежденным — пусть бы приказал либо казнить, либо отпустить его на волю. Ономарху речь эта показалась чересчур заносчивой, и он ответил: "Если ты такой храбрый, что же не сложил ты голову в бою, вместо того, чтобы попасть в руки неприятеля?" А Эвмен ему в ответ: "О, если бы так! Но не могло этого случиться, потому что никогда не сталкивался я с тем, кто был бы сильнее меня. Всякий, кто скрещивал со мною оружие терпел поражение. Не доблесть противника, но измена друзей одолела меня". И он говорил правду... Обладая благородной приятной внешностью, он был весьма силен и способен к телесным трудам, хотя сложение имел не столько могучее, сколько изящное.

12. Не решаясь определить участь Эвмена самолично, Антигон вынес дело на совет. Сначала все пришли в замешательство, изумляясь, что не понес еще наказания тот, кто в течение многих лет чинил им такое зло, что часто они оказывались на краю гибели, кто погубил величайших полководцев, в ком одном таится такая опасность, что не могут они жить спокойно, пока он дышит, после же его казни освободятся от всех забот. Затем они вопрошали Антигона, кто будет его другом, если Эвмен получит помилование? — Лично они не станут ему служить вместе с Эвменом. Антигон принял к сведению мнение совета, но оставил себе еще семь дней сроку на размышление. А потом, опасаясь, как бы вдруг не взбунтовалась армия, приказал никого к нему не пускать и велел лишить его ежедневного пропитания. При этом он уверял, что не учинит насилия над тем, кто был его другом. Эв-

мен страдал от голода не более трех дней. Когда войско снималось с лагеря, тюремщики задушили его, не спросив Антигона.

13. Так сорока пяти лет от роду окончил свою жизнь Эвмен, который с двадцатилетнего, как я говорил, возраста в течение семи лет был помощником Филиппа, тринадцать лет исполнял ту же службу при Александре, начальствовал в те годы над одной из всаднических ал, а после смерти Александра стал военачальником и, командуя войском, разбил или уничтожил знаменитейших полководцев; одолела его не доблесть Антигона, а измена македонян. Легко можно понять, как уважали его те вожди, которые после Александра Великого стали называться царями, если при жизни Эвмена все они именовались не царями, а наместниками, а сразу же после его гибели приняли царский убор и титул, отказались исполнить прежнее свое обещание сберечь державу для детей Александра и, устранив единственного защитника, открыто обнаружили свои намерения. Зачинщиками этого бесчестия были Антигон, Птолемей, Селевк, Лизимах и Кассандр. Что касается Антигона, то он отдал тело Эвмена его близкими для похорон. Те, воздав ему торжественные воинские почести, предали его погребению в присутствии целого войска, а прах позаботились отправить в Каппадокию матери, жене и детям.

Перевод Н.Н. Трухиной

Вопросы по тексту источника:

1. Какого близкого соратника Александра Македонского Эвмен победил в битве?
2. Каким образом, согласно рассказу Непота, Эвмен тренировал лошадей, находясь в крепости Нора?
3. Кто из диадохов был наиболее опасным врагом Эвмена?
4. В чем, по вашему мнению, состояли причины неудачи Эвмена?

Плутарх. Жизнеописание Деметрия

В нескольких из своих «Сравнительных жизнеописаний» греческий автор I-II веков н.э. Плутарх описывает биографии государственных деятелей эпохи распада государства Александра Македонского. Биография Деметрия Полиоркета, сына Антигона Монофталма – наиболее полный исторический источник, дошедший до нашего времени. Текст приводится с сокращениями.

... В эту книгу войдут жизнеописания Деметрия Полиоркета и императора Антония, двух мужей, на которых убедительнее всего оправдались слова Платона, что великие природы могут таить в себе и великие пороки, и великие доблести. Оба они были одинаково сластолюбивы, оба пьяницы, оба воинственны, расточительны, привержены роскоши, разнузданны и буйны, а потому и участь обоих была сходной: в течение всей жизни они то достигали блестящих успехов, то терпели жесточайшие поражения, завоевывали непомерно много и непомерно много теряли, падали внезапно на самое дно и вопреки всем ожиданиям вновь выплывали на поверхность и даже погибли почти одинаково: Деметрий – схваченный врагами, Антоний – едва не попавши к ним в руки.

2. От Стратоники, дочери Коррага, у Антигона было двое сыновей; одного он назвал Деметрием, в честь брата, другого, в честь отца – Филиппом. [...] Филипп родился немногими годами позже брата и умер своею смертью. Роста Деметрий был высокого, хотя и пониже Антигона, а лицом до того красив, что все только дивились и ни один из ваятелей и живописцев не мог достигнуть полного сходства, ибо черты его были разом и прелестны, и внушительны, и грозны, юношеская отвага сочеталась в них с какою-то неизобразимой героической силой и царским величием. И нравом он был примерно таков же, внушая людям ужас и, одновременно, горячую привязанность к себе. В дни и часы досуга, за вином, среди наслаждений и повседневных занятий он был приятнейшим из собеседников и самым изнеженным из царей, но в делах настойчив, неутомим и упорен, как никто. По-

этому среди богов он больше всего старался походить на Диониса, великого воителя, но, вместе с тем, и несравненного искусника обращать войну в мир со всеми его радостями и удовольствиями.

3. Деметрий горячо любил отца, а его уважение к матери и заботы о ней показывают, что и отца он чтит скорее из искреннего чувства, нежели преклоняясь пред его могуществом. Однажды Антигон принимал какое-то посольство. Деметрий вернулся с охоты и, как был, с копьями в руке, вошел к отцу, поцеловал его и сел рядом. Антигон уже отпустил было послов, но тут остановил их и громко воскликнул: «И об этом не забудьте рассказать у себя, господа послы, что вот как относимся мы друг к другу». В согласии с сыном и доверии к нему он видел одну из надежнейших основ своего царства и признак его мощи. До какой же степени угрюма и замкнута всякая власть, полна недоверия и зложелательства, если величайший и старейший из преемников Александра горд тем, что не боится родного сына, но подпускает его к себе с оружием в руках! И гордость его небезосновательна: пожалуй, единственный царский дом, который на протяжении многих поколений не ведал подобных напастей, это дом Антигона [...].

4. Вначале Деметрий отличался и человеколюбием, и привязанностью к товарищам, о чем свидетельствует, например, вот какое происшествие. При дворе Антигона служил сын Ариобарзана Митридат, ровесник и близкий друг Деметрия. Он был человек вполне порядочный и пользовался доброй славой, но Антигон проникся подозрениями против него, увидев однажды странный сон. Царю снилось, будто он идет красивой и обширной равниной и засеивает ее крупинками золота; из них поднимается золотая жатва, но когда Антигон, немного спустя, снова приходит на поле, он не видит ничего, кроме колючего жнивья. До крайности раздосадованный и опечаленный, он слышит чьи-то голоса, что, дескать, золотую жатву убрал Митридат и бежал к Эвксинскому Понту. Царь сильно встревожился. Взявши с сына клятву хранить молчание, он открыл ему свой сон и сказал, что намерен любыми средствами избавиться от Митридата и лишить его жизни. Услышав это, Деметрий был вне себя от огорчения, и, когда Митридат, по заведенному обычаю, пришел к нему, чтобы вместе провести время, Деметрий нарушить клятву и хотя бы словом обмолвиться о разговоре с отцом не посмел, но, отведя друга в сторону и убедившись, что никого рядом нет, древком копья написал на земле: «Беги, Митридат». Митридат все понял и тою же ночью бежал в Каппадокию. А сну Антигона суждено было вскорости сбыться: Митридат завладел обширной и богатой страной и был основателем династии понтийских царей, которая прекратилась примерно в восьмом от него колене, свергнутая римлянами. Так проявляла себя врожденная доброта и справедливость Деметрия.

5. [...] В ту пору, которой касается наш рассказ, борьба вспыхнула между Антигоном и Птолемеем. Сам Антигон находился во Фригии и, получив известие, что Птолемей переправился с Кипра в Сирию и грабит страну, а города либо склоняет к измене, либо захватывает силой, выслал против него сына, Деметрия, двадцати двух лет от роду, который тогда впервые выступил главнокомандующим в большой и трудный поход. Неопытный юнец, он столкнулся с мужем из Александровой палестры, который уже и один, после смерти учителя, выдержал немало трудных боев, - столкнулся и, разумеется, потерпел неудачу и был разбит у города Газы, потеряв восемь тысяч пленными и пять тысяч убитыми. Враги захватили и палатку Деметрия, и его казну, и всех слуг. Впрочем и добро, и слуг, так же как и попавших в плен друзей Деметрия, Птолемей ему вернул с доброжелательным и человеколюбивым объяснением, что предметом их борьбы должна быть лишь слава и власть. Приняв этот дар, Деметрий обратился к богам с молитвою, чтобы недолго пришлось ему оставаться в долгу у неприятеля, но поскорее довелось отплатить милостью за милость. Неудачу, постигшую его в самом начале пути, он перенес не как мальчишка, но как опытный полководец, хорошо знакомый с переменчивостью воинского счастья, - набирал войска, готовил оружие, предупреждал восстания в городах и учил новобранцев.

6. Когда Антигон узнал о битве при Газе, он заметил, что Птолемей одержал победу над безбородыми подростками, но теперь ему снова предстоит иметь дело с мужами; не

желая, однако, унижать гордость сына, который просил дать ему право еще раз сразиться с врагом самому, он не настаивал на своем и согласился. И вот, спустя немного, во главе большого войска появляется полководец Птолемея Килл с намерением очистить всю Сирию и вытеснить Деметрия, который после своего поражения казался нестоящим противником. Но Деметрий неожиданным ударом наводит на врага такой ужас, что захватывает весь лагерь вместе с военачальником. В руки его попадают семь тысяч пленных и огромная добыча. Впрочем не столько радовали Деметрия богатство и слава, принесенные победою, сколько возможность вернуть захваченное и тем отблагодарить Птолемея за его человеколюбие. Действовать по собственному усмотрению он, однако же, не решился и написал отцу. Антигон позволил сыну распорядиться добычею, как он желает, и Деметрий, щедро одарив Килла и его друзей, отправил их к Птолемею. Эти события изгнали Птолемея из Сирии, Антигона же, который наслаждался успехом и хотел видеть сына, побудили расстаться с Келенами.

7. Вслед за тем Антигон отправил Деметрия на покорение аравийского племени набатеев, и тут, попав в безводную пустыню, он подвергся немалой опасности, однако, сохраняя мужество и присутствие духа, настолько испугал варваров, что смог отступить с богатой добычей, среди которой было семьсот верблюдов.

Когда Селевк, изгнанный Антигоном из Вавилонии, затем возвратился, вернул себе власть и, утвердившись в своих прежних владениях, двинулся с войском вглубь материка, чтобы подчинить соседние с индийцами народы и прикавказские области, Деметрий, надеясь найти Месопотамию беззащитной, внезапно переправился через Евфрат и напал на Вавилон. Он захватил одну из цитаделей – всего их было две – выбив оттуда караульный отряд Селевка и разместив семь тысяч своих воинов, а затем, приказав войску грабить страну и уносить с собою все, что удастся, снова отошел к морю. Этим походом Деметрий лишь укрепил власть Селевка, ибо разоряя Вавилонию, словно чужую землю, он как бы отрекался от всяких прав на нее.

Птолемей осадил Галикарнасс, и Деметрий, немедленно бросившись на помощь, вырвал город из рук неприятеля. 8. Слух об этом прекрасном подвиге разнесся повсюду, и тут Антигоном и Деметрием овладело горячее желание освободить всю Грецию, поработленную Кассандром и Птолемеем. Никогда ни один из царей не вел войны благороднее и справедливее, ибо те богатства, которые отец с сыном скопили, усмиряя варваров, тратились теперь на греков – славы и чести ради. Когда было решено сначала плыть в Афины и один из друзей посоветовал Антигону оставить город за собою, если он будет захвачен, ибо, дескать, это сходни, переброшенные на берег Греции, Антигон отверг его совет, сказав, что самые прочные сходни – это доверие и расположение, а что Афины – сторожевая башня всего света, с высоты которой весть о любых деяниях быстро домчится до самых отдаленных народов земли. Итак, Деметрий вышел в море с пятью тысячами талантов серебра и флотом из двухсот пятидесяти судов и двинулся к Афинам, где, в самом городе, правил назначенный Кассандром Деметрий Фалерский, а в Мунихии стоял сторожевой отряд. Дальновидным планам Деметрия сопутствовала удача, и в двадцать шестой день месяца фаргелиона он появился в виду Пирея, совершенно неожиданно для его защитников, а потому, когда флот стал приближаться, все решили, что это корабли Птолемея, и принялись готовиться к встрече. Лишь много спустя начальники, обнаружив свою ошибку, отдали необходимые распоряжения, и тут поднялось страшное замешательство, естественное и неизбежное в тех случаях, когда приходится отбивать внезапную высадку неприятеля. И в самом деле, Деметрий уже вошел в гавань, найдя проходы незапертыми, и теперь, стоя на виду у всех, приказал подать с корабля знак, призывающий к тишине и вниманию. Все примолкли, и, поставив рядом с собою глашатая, Деметрий объявил, что прислан отцом, дабы в добрый час освободить афинян, изгнать сторожевой отряд и вернуть гражданам их законы и старинное государственное устройство.

9. После этих слов глашатая, большая часть воинов тут же сложила щиты к ногам и с громкими рукоплесканиями стала приглашать Деметрия сойти на берег, называя его бла-

годетелем и спасителем. Деметрий Фалерский, считая, что победителю следует покоряться в любом случае, даже если он не намерен исполнить ни единого из своих обещаний, отправил к нему посольство с изъявлением покорности. Деметрий ласково принял послов, а когда те тронулись в обратный путь, в свою очередь отправил к афинянам Аристодема Милетского, одного из друзей своего отца. После совершившейся так внезапно перемены Деметрий Фалерский больше, нежели неприятелей, страшился собственных сограждан. Полный глубокого уважения к славе и нравственной чистоте этого человека, Деметрий позаботился о нем и, исполняя его желание, отправил под надежную охрану в Фивы. Сам же он объявил, что, как ни хочется ему повидать Афины, он вступит в город не прежде, чем завершит его освобождение, изгнав караульный отряд. Обведя Мунихию валом и рвом, Деметрий морем двинулся на Мегары, занятые войсками Кассандра.

В Патрах жила знаменитая красавица Кратесиполида, бывшая супруга Александра, сына Полисперхонта, и узнав, что она готова встретиться с ним, Деметрий бросил войско близ Мегар и пустился в путь в сопровождении нескольких легковооруженных пехотинцев, но и немногочисленным этим провожатым не велел приближаться к своей палатке, чтобы женщина могла приходить к нему тайно. Враги, однако, обо всем проведали и неожиданно напали на Деметрия, который в страхе бежал, едва успев накинуть на плечи плащ. Так он чуть было не попал в позорнейший плен из-за своей распущенности, но все же счастливо ускользнул от опасности, а палатку со всем ее содержимым захватили и унесли враги.

Когда Мегары были взяты и воины уже начинали грабить город, горячие просьбы афинян убедили Деметрия сменить гнев на милость. Он изгнал неприятельский караульный отряд и объявил город свободным. Занимаясь делами мегарян, он вспомнил о философе Стильпоне, который, как говорили, решил провести остаток своих дней в уединении и тишине. Деметрий послал за ним и спросил, не унес ли кто из воинов его имущества. «Нет, - отвечал Стильпон, - никто. Во всяком случае, я не видел никого, кто бы уносил знание». Почти все рабы были расхищены победителями, и когда Деметрий, прощаясь со Стильпоном, в заключение дружелюбной беседы, заметил: «Я оставляю ваш город свободным» – философ сказал ему: «Что правда, то правда: ты не оставил нам ни одного раба».

10. Вернувшись к Мунихии и став лагерем перед ее стенами, Деметрий, наконец, выбил из крепости сторожевой отряд, а самое крепость разрушил и лишь тогда принял приглашения афинян, вошел в город и, созвав Народное собрание, восстановил старинное государственное устройство. Кроме того он обещал, что отец пришлет им сто пятьдесят тысяч медимнов хлеба и корабельного леса на сто триер. Так после четырнадцати лет олигархии – со времен Ламийской войны и битвы при Кранноне – олигархии, которую могущество Деметрия Фалерского, по сути дела, превратило в единовластие, афиняне вновь обрели демократическое правление. Благодеяние это само по себе прославило и возвеличило Деметрия, зато афиняне, желая воздать по заслугам своему освободителю, неумеренностью почестей вызвали только ненависть к нему. Афиняне были первыми, кто провозгласил Деметрия и Антигона царями, хотя до того оба всячески отвергали это звание – оно считалось единственным из царских преимуществ, по-прежнему остающимся за потомками Филиппа и Александра и недостижимым, недоступным для прочих. Афиняне были единственными, кто нарек их богами-спасителями; отменивши старинное достоинство архонта-эпонима, они решили ежегодно избирать «жреца спасителей» и все постановления и договоры помечать его именем. Они постановили далее, чтобы на священном пепелосе, вместе с остальными богами, ткались изображения Антигона и Деметрия. Место, куда впервые ступил Деметрий, сойдя с колесницы, они освятили и воздвигли там жертвенник Деметрию Нисходящему, к прежним филам присоединили две новые – Деметрияду и Антигониду и число членов Совета увеличили с пятисот до шестисот, ибо каждаяфила выставляла по пятидесяти советников.

11. Самой чудовищной выдумкой Стратокла (так звался изобретатель всего этого хитроумнейшего и утонченного раболепия) было предложение, чтобы лица, отправляемые Собранием к Антигону или Деметрию, именовались не послами, но феорами – словно те, кто на общегреческих празднествах при дельфийском Пифоне или в Олимпии приносят от имени своих городов установленные древним обычаем жертвы. [...]

12. Но, как говорит Аристофан, бывает кое-что и погорячее огня. Нашелся еще льстец, низостью превзошедший самого Стратокла, и предложил, чтобы всякий раз, как Деметрий прибудет в Афины, его принимали с таким же почетом, какой воздают Деметре и Дионису, и чтобы тот, кто сумеет обставить этот прием наиболее торжественно и пышно, приносил за казенный счет памятный дар богам. В довершение всего афиняне назвали месяц мунихион деметрионом, канун новолуния деметриадой, а праздник Дионисии переименовали в Деметрии. Чуть ли не каждое из нововведений божество отметило дурным знаменем. Когда пеплос, на котором постановили выткать Деметрия и Антигона рядом с Зевсом и Афиною, понесли через Керамик, налетел ураган и разорвал священное одеяние пополам. Вокруг новых жертвенников густо поднялась цикута, хотя вообще земля в Аттике редко рождает эту траву. В день, на который падали Дионисии, праздничное шествие пришлось отменить, ибо ударил сильный, не по времени года, мороз и выпал густой иней; стужа сожгла не только все виноградники и фиговые деревья, но побила и зелена. [...]

13. Однако ж наиболее бессмысленной, наиболее глупой среди всех почестей была вот такая: в связи с намерением афинян посвятить Дельфийскому богу щиты Дромоклид из дема Сфетт предложил просить об оракуле... Деметрия! Привожу это предложение дословно. «В добрый час! Народ да соблаговолит определить: избрать одного из афинян и отправить к Спасителю, дабы, принеся надлежащие жертвы, он спросил Спасителя, как лучше, скорее и благочестивее всего может народ посвятить свой дар; что изречет Спаситель, то да исполнит народ». Подобного рода издевательская лесть пагубно действовала на рассудок Деметрия, и без того не слишком крепкий и здоровый. 14. Находясь в Афинах и отдыхая от трудов, Деметрий женился на Эвридике, вдове Офельта, властителя Кирены. Она вела свой род от древнего Мильтиада и после смерти Офельта снова вернулась в отечество. Брак этот афиняне расценили как особую милость и честь для своего города. Однако Деметрий был до того скор и легок на заключение браков, что жил в супружестве со многими женщинами сразу. Наибольшим уважением среди них пользовалась Фила – как по праву дочери Антипатра, так и потому, что прежде была женою Кратера, который среди всех преемников Александра оставил по себе у македонян самую добрую память. На Филе, которая была старше его, Деметрий, тогда еще совсем юный, женился, послушавшись уговоров отца, но без всякой охоты, и Антигон, как рассказывают, шепнул ему на ухо измененный стих из Эврипида:

За прибыль станешь ты не вольно женихом,

удачно подставив вместо «и нехотя рабом» сходные с ними по звучанию слова. За всем тем «уважение» Деметрия к Филе и прочим его супругам было такого свойства, что он открыто, не таясь, жил со многими гетерами и свободными женщинами, и ни единому из тогдашних царей не приносило сластолюбие столь скверной славы, как ему. 15. Антигон призывал сына начать войну с Птолемеем за остров Кипр, и послушаться Деметрий не смел, но, сокрушаясь, что должен оставить борьбу куда более славную и прекрасную, – борьбу за Грецию, – он подослал своего человека к полководцу Птолемея Клеониду, начальнику сторожевых отрядов в Сикионе и Коринфе, и предлагал ему денег, если он возвратит свободу этим городам. Когда же Клеонид отвечал отказом, Деметрий, не теряя времени, вышел в море и со всем войском поплыл к Кипру. Менелая, брата Птолемея, он разбил в первом же сражении, а когда появился сам Птолемей с большими сухопутными и морскими силами, зазвучали взаимные угрозы и хвастливые, вызывающие речи. Птолемей советовал Деметрию убраться вон, пока он еще не раздавлен собранной воедино мощью врага, а Деметрий сулил Птолемею отпустить его восояси, если он пообещает очистить Сикион и Коринф. Эта борьба неопределенностью своего исхода держала в напряженном

ожидании не только самих противников, но и каждого из остальных властителей, ибо ясно было, что успех отдает в руки победителя не Кипр и не Сирию, но верховное главенство.

16. Птолемей отошел от берега на ста пятидесяти судах, а Менелая с шестьюдесятью кораблями приказал ждать у Саламина, чтобы в самый разгар сражения напасть на Деметрия с тыла и расстроить его боевой порядок. Против этих шестидесяти Деметрий выставил только десять, - ибо десяти судов оказалось достаточно, чтобы замкнуть узкий выход из гавани, - разместил пехоту на всех далеко выступающих в море мысах, а сам со ста восьмьюдесятью судами двинулся против Птолемея. Стремительным и яростным ударом он сломил сопротивление противника и обратил его в бегство. Птолемей ускользнул всего на восьми судах (остальные были потоплены, а семьдесят попали в плен вместе с моряками и солдатами), что же касается стоявших на якоре грузовых кораблей с несметными толпами рабов, женщин и приближенных Птолемея, с оружием, деньгами и осадными машинами, - Деметрий захватил все до последнего. Среди добычи, доставленной в лагерь, оказалась знаменитая Ламия, которая вначале была известна мастерской игрою на флейте, а впоследствии стяжала громкую славу искусством любви. В ту пору красота ее уже отцветала, и разница в годах между нею и Деметрием была очень велика, и все же своими чарами и обаянием Ламия уловила и оплела его так крепко, что одна лишь она могла называть Деметрия своим любовником – остальным женщинам он только позволял себя любить. После морского сражения не долго сопротивлялся и Менелай, но сдал Деметрию и Саламин, и флот, и сухопутное войско – тысячу двести конников и двенадцать тысяч пехотинцев.

17. Эту прекрасную, славную победу Деметрий украсил еще более своей добротой и человеколюбием, с почестями предав погребению тела убитых врагов, отпустив на волю пленных и подаривши афинянам из добычи тысячу двести полных доспехов. К отцу с вестью о победе Деметрий отправил милетца Аристодема, первого льстеца среди всех придворных, который, видимо, приготовился увенчать происшедшее неслыханно пышной лестью. Он благополучно завершил плавание с Кипра, но причаливать не велел и, отдавши приказ бросить якоря и всем оставаться на борту, один спустился в лодку, вышел на берег и двинулся дальше к Антигону, который был в том расположении духа, какое только и может быть у человека, тревожно и нетерпеливо ожидающего исхода столь важных событий. Когда царь узнал, что гонец уже прибыл, беспокойство его □А□тигло предела, он едва нашел в себе силы остаться дома и посылал одного за другим слуг и приближенных спросить Аристодема, чем закончилась битва. Но тот не отвечал никому ни слова и, шаг за шагом, нахмуривши лоб, храня глубокое молчание, подвигался вперед, так что, в конце концов, Антигон, в полном смятении, не выдержал и встретил Аристодема у дверей, меж тем как следом за вестником шла уже целая толпа и новые толпы сбегались ко дворцу. Подойдя совсем близко, Аристодем вытянул правую руку и громко воскликнул: «Радуйся и славься, царь Антигон, мы победили Птолемея в морском бою, в наших руках Кипр и шестнадцать тысяч восьмьсот пленных!» А царь в ответ: «И ты, клянусь Зевсом, радуйся, но жестокая пытка, которой ты нас подверг, даром тебе не пройдет – награду за добрую весть получишь не скоро!»

18. Тогда народ впервые провозгласил Антигона и Деметрия царями. Отца друзья увенчали диадемой немедленно, а сыну Антигон отправил венец вместе с посланием, в котором называл Деметрия царем. Тогда Египет поднес царский титул Птолемею, - чтобы никто не подумал, будто побежденные лишились мужества и впали в отчаяние, - а дух соперничества заставил последовать этому примеру и остальных преемников Александра. Стал носить диадему Лисимах, надевал ее теперь при встречах с греками Селевк, который, ведя дела с варварами, и прежде именовал себя царским титулом. И лишь Кассандр, хотя все прочие и в письмах и в беседах величали его царем, сам писал свои письма точно так же, как и прежде.

Все это означало не только дополнение к имени и перемену во внешнем облике: новое достоинство внушило властителям новый образ мыслей, подняло их в собственных

глазах, внесло в их жизнь и обхождение с окружающими нарочитую степенность и суровость – так трагические актеры вместе с платьем и маской меняют и походку, и голос, □Анеру ложиться к столу и разговаривать с людьми. С этих пор они стали нетерпимее и жестче в своих требованиях, откинув притворную скромность, которая прежде прикрывала их могущество, делая его сравнительно легким и необременительным для подданных. Такой огромною силой обладало одно-единственное слово льстеца, и такой переворот произвело оно в целом мире!

19. Воодушевленный подвигами Деметрия на Кипре, Антигон без промедления выступил против Птолея, приняв на себя командование сухопутными силами, меж тем как Деметрий плыл рядом во главе большого флота. Каким образом суждено было завершиться этому начинанию, увидел во сне Медий, один из друзей Антигона. Снилось ему, будто Антигон со всем войском участвует в двойном пробеге и сперва бежит размашисто и скоро, но затем начинает сдавать, а после поворота и вовсе слабеет, едва переводит дух и с трудом держится на ногах. И верно, Антигон столкнулся на суше со многими непреодолимыми препятствиями, а Деметрия страшная буря и огромные волны чуть было не выбросили на дикий, лишенный гаваней берег, и он потерял немалую часть своих судов, так что оба вернулись ни с чем.

Антигону было уже без малого восемьдесят, но не столько годы, сколько тяжесть грузного тела, непомерно обременявшая носильщиков, уже не позволяла ему исполнять обязанности полководца, а потому впредь он пользовался службою сына, который с блеском распорядился самыми важными и трудными делами благодаря своему опыту и удаче. Мотовство сына, его страсть к роскоши и вину не слишком беспокоили старого царя, ибо лишь во время мира необузданно предавался Деметрий своим страстям и на досуге утопал в наслаждениях, не зная ни предела, ни меры, но стоило начаться войне – и он сразу трезвел, обнаруживая рассудительность человека, воздержного от природы. Рассказывают, что однажды, когда власть Ламии уже не была ни для кого тайною, Деметрий, вернувшись из путешествия, нежно целовал отца, и Антигон со смехом заметил: «Тебе, верно, кажется, что ты целуешь Ламию, мой мальчик». В другой раз он много дней подряд пьянствовал, а всем говорил, будто болезненные истечения не давали ему выйти из дому. «Это я знаю, - сказал Антигон, - да только что там текло – фасосское или хиосское?» Услышав, что сын снова занемог, Антигон отправился его навестить и в дверях столкнулся с каким-то красивым мальчиком. Он сел подле постели больного и взял его руку, чтобы сосчитать пульс, а когда Деметрий сказал, что лихорадка теперь уже ушла, ответил: «Конечно, ушла, сынок, и даже только что встретилась мне в дверях». Так снисходителен был Антигон к подобным проступкам Деметрия ради иных его деяний. Скифы, если напиваются допьяна, чуть пощипывают тетивы луков, словно пробуждая свой дух, расслабленный и усыпленный наслаждением, но Деметрий отдавал себя всего безраздельно то заботе, то удовольствию, никогда не смешивая и не сочетая одну с другим, и потому, готовясь к войне, проявлял свое усердие и искусство в полном блеске.

20. Да, именно готовя боевую силу, а не используя ее в деле, обнаруживал Деметрий, сколько можно судить, лучшие стороны своего военного дарования. Он хотел, чтобы все необходимое было под рукою в изобилии; он был ненасытен в строительстве огромных кораблей и осадных машин и находил немалое удовольствие в наблюдении за этими работами. Способный и вдумчивый, он не обращал природную изобретательность на бесполезные забавы, как иные из царей, которые играли на флейте, занимались живописью или ремеслом чеканщика. [...] у Деметрия даже занятия ремеслами были поистине царскими, замыслы его отличались широким размахом, а творения, кроме изощренной изобретательности, обнаруживали высоту и благородство мысли, так что казались достойными не только ума или могущества, но и рук царя. Гигантскими размерами труды эти пугали даже друзей, красотой тешили даже врагов. Это сказано всерьез, а не для красного словца. Враги дивились и восхищались, глядя на корабли с шестнадцатью и пятнадцатью рядами весел, проплывавшие мимо их берегов, а «Погубительницы городов» так и приковывали

взоры осажденных – сами события неопровержимо об этом свидетельствуют. Когда Деметрий осаждал Солы в Киликии, Лисимах, его противник и вообще самый злой враг Деметрия среди царей, прислал к нему гонца с просьбой показать военные машины и корабли в плавании. Деметрий показал, и Лисимах в изумлении удалился от Сол. Родосцы, которых Деметрий долго держал в осаде, после конца войны просили оставить им несколько машин как памятник его мощи и их мужества.

21. Родосцы были союзниками Птолемея. Объявивши им войну, Деметрий подвел к стенам Родоса самую большую из «Погубительниц», с опорой в виде прямоугольника, каждая сторона которого в нижней части равнялась сорока восьми локтям, а в высоту машина была шестидесяти шести локтей, причем кверху грани начинали сходиться, так что вершина башни была уже основания. Изнутри она разделялась на ярусы со многими помещениями, и с лицевой, обращенной к неприятелю грани на каждом ярусе открывались бойницы, сквозь которые летели всевозможные метательные снаряды: башня была полна воинами любого рода и выучки. На ходу она не шаталась и не раскачивалась, а ровно и неколебимо стояла на своей опоре, подвигаясь вперед с оглушительным скрипом и грохотом, вселяя ужас в сердце зрителей, но взорам их неся невольную радость.

Нарочито для войны с родосцами Деметрию привезли с Кипра два железных панциря весом по сорок мин каждый. Чтобы показать несокрушимую их крепость, оружейник Зоил велел выстрелить из катапульты с двадцати шагов, и стрела не только не пробила железо, но даже царапину оставила едва заметную, словно бы нанесенную палочкой для письма. Этот панцирь Деметрий взял себе, а второй отдал эпирцу Алкиму, самому воинственному и крепкому из своих подчиненных: полный доспех его весил два таланта – вдвое больше, чем у любого из остальных солдат. Там же на Родосе, в битве близ театра, Алким погиб.

22. Родосцы ожесточенно сопротивлялись, но Деметрий, хотя успехи его были ничтожны, упорно продолжал осаду, до крайности озлобленный тем, что враги перехватили судно с письмами, одеждой и покрывалами, которые послала ему его супруга Фила, и отравили корабль и весь груз к Птолемею, не взявши за образец благородное человеколюбие афинян, которые, когда в их руки попались гонцы Филиппа, все остальные письма прочли и только письма Олимпиады не вскрыли и нераспечатанными доставили противнику. Деметрий был глубоко оскорблен, но когда вскоре представился случай отплатить родосцам обидой за обиду, он этим случаем не воспользовался. Как раз в ту пору Протоген из Кавна писал для них картину, изображающую историю Иалиса, и эту картину, уже почти законченную, Деметрий захватил в каком-то пригороде. Родосцы через глашатая молили его пощадить работу Протогена, и Деметрий в ответ заявил, что скорее сожжет изображения своего отца, чем погубит столь великий труд художника. Говорят, что семь лет жизни потратил Протоген на свою картину. [...]

Родосцы отбивались с прежним мужеством, и Деметрий уже искал лишь благовидного предлога, чтобы снять осаду. Тут появились афиняне и примирили враждующих на условии, что родосцы будут союзниками Антигона и Деметрия во всех случаях, кроме войны с Птолемеем.

23. Кассандр осадил Афины, и город звал Деметрия на выручку. Выйдя в плавание с тремястами судов и большим пешим войском, он не только изгнал Кассандра из Аттики, но преследовал бегущего до самых Фермопил, нанес ему там еще одно поражение и занял Гераклею, добровольно к нему присоединившуюся. После этой победы шесть тысяч македонян перебежали на сторону Деметрия. Возвращаясь назад, он объявил свободу всем грекам, обитавшим к югу от Фермопильского прохода, заключил договор о союзе с беотийцами, взял Кенхреи и, захвативши Филу и Панакт, две аттические крепости, где стояли сторожевые отряды Кассандра, передал их афинянам. А те, хотя уже прежде излили на него все мыслимые и немыслимые почести, еще раз показали себя неисчерпаемо изобретательными льстецами, отведя Деметрию для жилья внутреннюю часть Парфенона. Там он и поместился, и все говорили, что Афина принимает в своем доме гостя, - не слишком-то скромного, клянусь богами, гостя и мало подобающего для девичьих покоев![...]

(24). А Деметрий, которому надлежало чтить Афину если не по иным каким соображениям, то хотя бы по долгу младшего брата богини – ибо так он пожелал именоваться, – день за днем осквернял Акрополь столь гнусными насилиями над горожанками и свободнорожденными мальчиками, что чище всего это место казалось, когда он распутничал с Хрисидой, Ламией, Демо, Антикирой, всесветно знаменитыми потаскухами. Вообще излагать подробности я не стану – из уважения к Афинам, – но было бы неправильно и несправедливо обойти молчанием доблесть и чистоту Дамокла. Этот Дамокл, еще совсем юный, не избегнул, однако, внимания Деметрия, ибо само прозвище мальчика выдавало редкую его прелесть: его прозвали Дамоклом Прекрасным. Ни на какие обольщения, подарки или же угрозы он не поддавался и, в конце концов, перестал посещать палестры и гимнасий и только ходил мыться в частную баню. Туда и проскользнул Деметрий следом за ним, уловив время, когда Дамокл остался один, а мальчик, убедившись, что помощи ждать не от кого, сбросил крышку с медного котла и прыгнул в кипящую воду. Так он погиб незаслуженною и жалкою смертью, но выказал благородство, достойное его отечества и его красоты, – не то, что Клеэнет, сын Клеомедонта, который «исхлопотал» помилование своему отцу, присужденному к штрафу в пятьдесят талантов, и, предъявив народу письмо Деметрия, не только опозорил самого себя, но и в городе посеял смуту и беспорядки. Ибо Клеомедонта афиняне от наказания освободили, но вслед за тем приняли закон, чтобы никто из граждан писем от Деметрия не приносил. Деметрий не на шутку разгневался, и афиняне, вновь перепугавшись, не только отменили закон, но и тех, кто его предложил или высказывался в его поддержку, изгнали, а иных даже казнили. В довершение ко всему было вынесено следующее решение: «Афинский народ постановляет – все, что ни повелит царь Деметрий, да будет непорочно в глазах богов и справедливо в глазах людей». Когда же кто-то из лучших граждан воскликнул, что Стратокл, который предлагал это постановление, просто безумец, Демохар из дема Левконой заметил: «Напротив, он был бы безумцем, если бы не был безумцем». И верно, Стратокл извлек немало выгод из своей лести. За эти слова Демохар поплатился доносом и изгнанием. Так-то вот жили афиняне, казалось бы, свободные после избавления от вражеского сторожевого отряда!

25. Затем Деметрий двинулся в Пелопоннес; никто из противников не смел оказать ему сопротивления, но все бежали, бросая города, и он присоединил к себе так называемый Скалистый берег и всю Аркадию, кроме Мантиней, а Сикион, Аргос и Коринф очистил от сторожевых отрядов, подкупив солдат и начальников взяткою в сто талантов. В Аргосе он взял на себя распорядительство на играх – как раз подошло время Герей – и, справляя праздник вместе с греками, женился на Деидами, дочери царя молоссов Эакида и сестре Пирра. Сикионянам он сказал, что они поселились не там, где следовало, и убедил их переехать туда, где они обитают и поныне. Заодно с местом Деметрий изменил и название города, переименовав его из Сикиона в Деметриаду.

На Истме состоялся Всеобщий совет, и при громадном стечении народа Деметрий был провозглашен вождем Эллады, как прежде Филипп и Александр; обоих, однако ж, Деметрий, кичась своим счастьем, которое тогда так приветливо ему улыбалось, и своим огромным могуществом, полагал гораздо ниже себя. Александр никого из царей титула не лишил и себя царем царей никогда не называл, хотя многие приняли из его рук и венец, и царство, а Деметрий зло потешался над теми, кто именовал царем кого бы то ни было еще, кроме него самого и Антигона, и с удовольствием прислушивался, когда за вином звучали здравицы в честь царя Деметрия, Селевка – начальника слонов, Птолемея – начальника флота, Лисимаха – хранителя казны, Агафокла – правителя Сицилии. Другим царям доносили об этих потехах Деметрия, но они лишь посмеивались, и только один Лисимах негодовал на то, что Деметрий считает его скопцом: как правило, хранители казны были евнухи. Вообще Лисимах был самым заклятым его врагом. Глумясь над любовью Деметрия к Ламии, он говорил, что впервые видит потаскуху выступающей в трагедии, а Деметрий в ответ: «Моя потаскуха чище Лисимаховой Пенелопы».

26. Отправляясь в обратный путь, Деметрий написал в Афины, что немедленно, как только прибудет, желает пройти посвящение в таинства, причем весь обряд целиком, от низшей до созерцательной ступени, намерен постигнуть сразу. Это было противно священным законам и никогда прежде не случалось, ибо Малые таинства справлялись в месяце анфестерионе, Великие – в боэдромионе, а к созерцательной ступени посвященных допускали не раньше, чем через год после Великих таинств. Но когда прочитали письмо Деметрия, выступить с возражениями отважился один лишь факелносец Пифодор, да и то безо всякого толку, потому что афиняне, послушавшись совета Стратокла, решили называть и считать мунихион анфестерионом и справили, нарочито для Деметрия, священнодействия в Агре. После этого мунихион из анфестериона превратился в боэдромион, Деметрий принял дальнейшее посвящение и сразу же был приобщен к числу «созерцателей». [...]

27. Среди многочисленных злоупотреблений и беззаконий, которые тогда творились, большее всего, как сообщают, уязвил афинян приказ безотлагательно раздобыть двести пятьдесят талантов, ибо, увидев, что деньги собраны – а взыскивались они с неумолимою строгостью, – Деметрий распорядился передать все Ламии и другим гетерам на мыло, румяна и притирания. Больше убытка граждан тяготил позор, и молва была горше самого дела. Некоторые, правда, говорят, что эту шутку Деметрий сыграл не с афинянами, а с фессалийцами. Кроме того Ламия и сама, готовя для царя пир, многих обложила своего рода налогом, и пир этот роскошью и великолепием прославился настолько, что Линкей Самосский описал его в особом сочинении. Вот почему один из комических поэтов очень удачно и верно прозвал Ламию «Погубительницей городов». А самого Деметрия Демохар из Сол называл «Мифом»: в мифах, дескать, своя Ламия, а у него – своя. Любовь и расположение Деметрия к этой женщине внушали ревность и зависть не только его супругам, но и друзьям. Однажды от него прибыло посольство к Лисимаху, и тот, на досуге, показывал гостям глубокие шрамы у себя на бедрах и на руках, и говорил, что это следы львиных когтей и что остались они после схватки со зверем, наедине с которым запер его когда-то царь Александр. Тут послы со смехом заметили, что их царь тоже носит на шее следы от укусов дикого и страшного зверя – Ламии. [...]

28. Тут судьба и история человека, чью жизнь мы описываем, как бы переносит действие с комической сцены на трагическую. Все цари заключили союз против Антигона и сплотили свои силы воедино. Деметрий покинул Грецию, соединился с отцом и, видя, что Антигон готовится к войне с таким честолюбивым рвением, какого трудно было ожидать в его годы, сам ощутил новый прилив мужества и бодрости. Между тем представляется вероятным, что если бы Антигон пошел хоть на малые уступки и несколько утишил свое непомерное властолюбие, он до конца удержал бы главенство среди царей и передал его сыну. Однако, суровый и спесивый от природы, столь же резкий в речах, как и в поступках, он раздражал и восстанавливал против себя многих молодых и могущественных соперников. И в тот раз он хвастливо говорил о своих врагах, что без труда разгонит их сборище, как одним-единственным камнем или криком вспугивают птиц, слетевшихся □А□вать зерна, брошенные рукою сеятеля. У Антигона было собрано свыше семидесяти тысяч пехоты, десять тысяч конницы и семьдесят пять слонов, у неприятелей – конницы на пятьсот клинков больше, слонов четыреста да сто двадцать боевых колесниц; пехоты, правда, всего шестьдесят четыре тысячи. Когда оба войска сошлись, настроение Антигона изменилось, надежды его поколебались, но намерения остались неизменны. Прежде в битвах он бывал всегда самоуверен и неприступно горд, говорил громко и надменно, а нередко отпускал язвительные остроты даже во время рукопашной, выказывая этим твердость духа и презрение к врагу. Теперь, напротив, его видели молчаливым и задумчивым, он представил сына воинам и назвал его своим преемником. Но в особенности всех поразило вот что: Антигон закрылся наедине с Деметрием в своей палатке и держал с ним совет, тогда как раньше не посвящал в свои замыслы даже сына, но все решал сам, в полном одиночестве, а затем лишь объявлял эти решения и распоряжался, ничего в них не меняя.

Рассказывают, что однажды, еще в ранние годы, Деметрий спросил отца, когда они будут сниматься с лагеря, и Антигон в сердцах воскликнул: «Ты что же, боишься, что один из всего войска не услышишь трубы?»

29. Кроме всего прочего обоих тревожили и угнетали дурные знамена. Деметрию приснился Александр в богатом вооружении, который спрашивал, какой клич дают они с отцом для предстоящей битвы: «Зевс и Победа» – сказал ему Деметрий. И Александр в ответ: «Тогда я уйду к вашим врагам – они принимают меня к себе». Когда пехота уже выстроилась к бою, Антигон, выходя из палатки, споткнулся, упал ничком и сильно расшибся. Поднявшись на ноги, он простер руки к небесам и просил у богов либо победы, либо внезапной и безболезненной смерти до поражения. Завязался бой, и Деметрий во главе многочисленной и отборной конницы ударил на Антиоха, сына Селевка. Он сражался великолепно и обратил неприятеля в бегство, однако слишком увлекся преследованием и неуместное это честолюбие сгубило победу, ибо и сам Деметрий, возвратившись, уже не смог соединиться с пехотой – путь ему тем временем успели загородить вражеские слоны, - и фаланга осталась без прикрытия, что, разумеется, не укрылось от взора Селевка, который, однако, не напал на пехотинцев, а только теснил их, грозя нападением и как бы призывая перейти на его сторону. Так оно и вышло: значительная часть фаланги откололась и сдалась, остальные пустились бежать. Теперь враги тучей устремились на Антигона, и кто-то из приближенных воскликнул: «Царь, они метят в тебя!» – «Какая же еще может быть у них цель? – возразил Антигон. – Но Деметрий подоспеет на выручку». Эту надежду он сохранил до конца и все озирался, ища глазами сына, пока не пал, пронзенный сразу несколькими, пущенными в него копьями. Все слуги и друзья тут же бросили мертвого, единственный, кто остался подле тела, был Форак из Лариссы.

30. После битвы цари-победители расчленили всю державу Антигона и Деметрия, словно некое огромное тело, и, поделивши части между собою, присоединяли новые провинции к прежним своим владениям. Деметрий с пятью тысячами пехоты и четырьмя тысячами конницы почти без остановок бежал до Эфеса, и, меж тем как все опасались, что, испытывая нужду в деньгах, он разграбит храм, сам он, в свою очередь, боялся, как бы этого не сделали его солдаты, а потому без промедлений двинулся дальше и поплыл в Грецию, последние свои упования возлагая на афинян. У них оставались и суда Деметрия, и его деньги, и супруга Деидамия, и он полагал, что в эту годину бедствий нет для него надежнее прибежища, чем расположение и любовь афинян. Вот почему, когда подле Кикладских островов его встретили афинские послы и просили не приближаться к их городу, ибо народ постановил никого из царей не принимать и не впускать, Деидамию же со всеми подобающими почестями проводил в Мегары, - Деметрий был вне себя от гнева, хотя до сих пор переносил свое несчастье с полным спокойствием и, невзирая на столь резкую перемену обстоятельств, ни в чем не уронил себя и не унизил. Но обмануться в афинянах вопреки всем ожиданиям, узнать, что их любовь, на самом деле, - пустое притворство, было для Деметрия нестерпимой мукой. [...]

31. Деметрий чувствовал себя жестоко и несправедливо оскорбленным, но отомстить за обиду был не в состоянии и только отправил к афинянам посланцев со сдержанными укорами и требованием вернуть ему его суда, среди которых было одно с тринадцатью рядами гребцов. Получив корабли, он поплыл к Истму, а оттуда, убедившись, что дела идут из рук вон плохо, - города, один за другим, изгоняли его сторожевые отряды, и все переходило на сторону врагов, - сам направился к Херсонесу, в Греции же оставил Пирра. Разоряя земли Лисимаха, Деметрий, вместе с тем, обогащал и удерживал от распада собственного войско, которое мало-помалу вновь становилось грозной силой. Лисимаху другие цари никакой помощи не оказывали, считая, что он несколько не лучше Деметрия – разве что более опасен, как более могущественный.

Немного спустя Селевк прислал сватов, прося руки Стратоники, дочери Деметрия и Филы. Хотя у Селевка уже был сын от персиянки Апамы, он считал, что держава его и достаточно обширна для нескольких наследников и, вместе с тем, нуждается в родственном

союзе с Деметрием, поскольку Лисимах, как ему стало известно, брал одну из дочерей Птолемея в жены себе и еще одну – своему сыну Агафоклу. Для Деметрия свойство с Селевком оказалось неожиданным счастьем. Он посадил дочь на корабль и со всем флотом поплыл прямо в Сирию, однако по пути вынужден был сделать несколько остановок и, между прочим, пристал к берегу Киликии, которую цари после битвы с Антигоном отдали во владение Плистарху, брату Кассандра. Сочтя высадку Деметрия вражеским набегом и желая принести жалобу на Селевка, который готов примириться с общим неприятелем без ведома и согласия остальных царей, Плистарх отправился к Кассандру.

32. Узнав об этом, Деметрий двинулся в глубь страны, к Киндам. Там он обнаружил в сокровищнице нетронутые тысячу двести талантов, забрал деньги, успел погрузить их на корабли и поспешно вышел в море. Той порой приехала и Филадельфия, супруга Деметрия, и подле Россоса они встретились с Селевком. Эта встреча от начала до конца была поистине царской, свободной от коварства и взаимных подозрений. Сперва Селевк давал Деметрию пир в своем шатре, посреди лагеря, потом Деметрий принимал Селевка на огромном судне с тринадцатью рядами весел. Были тут и совещания, и досужие беседы, и увеселения, тянувшиеся иной раз целый день; наконец, забрав Стратонику, Селевк торжественно отбыл в Антиохию.

Деметрий завладел Киликией и отправил к Кассандру его сестру Филу, чтобы очиститься от обвинений Плистарха. В это время из Греции приплыла Деидамия, но вскоре заболела и умерла, а так как Деметрий, заботами Селевка, заключил дружеский союз и с Птолемеем, было условлено, что он женится на дочери Птолемея Птолемаиде. До сих пор Селевк держал себя благородно, но когда затем он попросил, чтобы Деметрий за деньги уступил ему Киликию, и, получив отказ, в ярости стал требовать возврата Сидона и Тира, его уже нельзя было назвать иначе, как обидчиком и насильником, ибо, подчинив своей власти все земли от пределов Индии до Сирийского моря, он выказал себя бесконечно мелочным и жадным до власти. Из-за двух городов он не постыдился притеснять свойственника, человека, испытавшего жестокие удары судьбы, и своим примером как нельзя лучше подтвердил слова Платона, что желающему истинного богатства следует не увеличивать имущество, но умерить собственную ненасытность: кто не положит предела жажде наживы, тот никогда не избавится ни от бедности, ни от нужды.

33. Деметрий, однако, не дал себя запугать. Объяснив, что не только Ипс, но и еще тысяча подобных поражений не заставят его платить за такого зятя, как Селевк, он усилил караульные отряды в обоих городах, а сам, получив известие, что Лахар воспользовался смутю в Афинах и установил $\square A \square n \square$, загорелся надеждою без труда захватить город, внезапно появившись под его стенами. С большим флотом он благополучно пересек море, но когда плыл вдоль берега Аттики, попал в бурю и лишился почти всех судов и значительной части войска. Сам Деметрий избежал гибели и начал войну с афинянами, вполне, однако же, безуспешную, а потому, отправив своих людей собирать новый флот, ушел в Пелопоннес и осадил Мессену. Во время одной из схваток он едва не погиб – стрела из $\square A \square n \square$ попала ему в лицо, пробила щеку и вошла в рот. Оправившись от раны, Деметрий привел к покорности несколько изменивших ему городов, а затем снова вторгся в Аттику, занял Элевсин и Браврон и стал опустошать страну. Захватив судно, груженное хлебом и державшее путь в Афины, он повесил купца вместе с кормчим и этим навел такой страх на остальных мореходов, что в городе начался голод, к которому вскоре прибавилась острая нужда во всем самом необходимом. За медимн соли платили сорок драхм, за медимн пшеницы – триста. Птолемей послал на помощь афинянам полтора суда, и они бросили якорь у Эгины, но передышка, которую доставила осаждаемым эта подмога, оказалась непродолжительной, ибо к Деметрию явилось множество кораблей из Пелопоннеса и с Кипра, общим числом около трехсот, и моряки Птолемея поспешно удалились, а тиран Лахар бежал, бросив город на произвол судьбы.

34. Тут афиняне, хотя сами же ранее постановили казнить любого, кто хоть словом упомянет о мире с Деметрием, немедля отворили ближайшие к противнику ворота и от-

правили послов, не ожидая, правда, для себя ничего хорошего, но не в силах дольше терпеть нужду. [...]

В таком положении находился город, когда в него вступил Деметрий и, приказав всем собраться в театре, оцепив сцену вооруженными солдатами, а вокруг логия расставив собственных телохранителей, спустился верхними проходами, по примеру трагических актеров, и этим вконец напугал афинян, но первыми же словами своей речи освободил и избавил их от страха. Он воздержался и от резкого тона, и от суровых слов, но, после недолгих и дружеских укоров, объявил им прощение, подарил сто тысяч медимнов хлеба и назначил должностных лиц, более всего угодных народу. Оратор Драмоклид, убедившись, что народ ликует от всей души и нестройными криками восторга хочет превзойти своих $\square A \square \square$ нков, восхвалявших Деметрия с ораторского возвышения, предложил передать царю Деметрию Пирей и Мунихию. Тут же был принят соответствующий закон, а Деметрий, по собственному почину, разместил караульный отряд еще и на Мусее, чтобы афиняне, снова взбунтовавшись, не доставили ему новых хлопот и огорчений.

35. Завладев Афинами, Деметрий тут же устремил свои мысли и взгляды к Лакедемо-ну. Он разбил царя Архидама, который встретил его при Мантинее, и вторгся в Лаконию. Выиграл он и второе сражение, перед самую Спартой, истребив двести человек и взявши в плен пятьсот, и, казалось, уже держал в своих руках город, еще никогда не бывавший под властью неприятеля. Но, по-видимому, ни один из царей не изведал столь крутых и стремительных поворотов судьбы, и ничья участь не менялась столь часто, из жалкой обращаясь в блистательную, и снова в ничтожную из великой и высокой. Потому-то и сам Деметрий всякий раз, когда счастье переставало ему улыбаться, обращался к судьбе с Эсхиловым стихом:

Ты вознесла меня, и ты ж свергаешь в прах.

Вот и тогда, меж тем как обстоятельства были столь благоприятны для него и открывали широкий путь к власти и могуществу, пришли сообщения, что Лисимах отнял у него города в Азии и, далее, что Птолемей занял весь Кипр, кроме одного лишь города Саламина, а Саламин осаждает, заперши там детей и мать Деметрия. Однако ж судьба, [...] обрушив на Деметрия эти злые и грозные вести и уведя его из Лакедемона, сразу вслед за тем принесла ему свежие надежды и внушила совершенно новые и далеко идущие замыслы.

36. После смерти Кассандра македонянами правил старший из его сыновей, Филипп, но вскоре умер и он, а двое оставшихся вступили между собою в борьбу. Один из них, Антипатр, умертвил мать, Фессалонику, и тогда другой послал за помощью к Пирру, в Эпир, и к Деметрию, в Пелопоннес. Первым подоспел Пирр, но в награду за помощь захватил значительную часть Македонии, и это близкое соседство пугало Александра. Когда же, получив письмо, явился с войском и Деметрий, юноша, хорошо зная его славу, испугался еще сильнее и, выступив навстречу ему к Дию, горячо и любезно приветствовал своего защитника, но объявил, что обстоятельства больше не требуют его присутствия. Сразу же зашевелились взаимные подозрения, а когда Деметрий шел к молодому царю на пир, кто-то донес, что после пира, за вином, Александр замышляет его убить. Деметрий несколько не растерялся и только, запоздав на короткое время, отдал приказ начальникам держать войско в боевой готовности, а своим провожатым и слугам – которых было гораздо больше, чем у Александра, – велел войти вместе с ним в мужские покои и не выходить, пока он сам не встанет из-за стола. Александр испугался и не посмел исполнить задуманного. Деметрий, сославшись на то, что худо себя чувствует и не склонен пить, быстро ушел, а на другой день стал собираться в путь. Александру он сказал, будто получил новые важные известия, и просил извинить его, за то что побыл так недолго, обещая, что в другой раз, на досуге, они проведут вместе больше времени. Александр был рад, что Деметрий покидает страну без злобы, по доброй воле, и провожал его до Фессалии. Когда же они очутились в Лариссе, снова начались взаимные любезности и приглашения, причем каждый готовил другому гибель. Это именно и отдало Александра во власть Деметрия: не

принимая должных мер предосторожности, чтобы не толкнуть и противника на ответные меры, и слишком долго медля в расчете вернее захватить врага, он не успел осуществить свой коварный замысел, но сам, первый, сделался жертвой коварства. Деметрий позвал его на пир, и он пришел. В разгар угощения Деметрий встал; заметив это, встал в испуге и Александр и двинулся к выходу. В дверях стояли телохранители Деметрия, и, бросив им всего два слова: «Бей следующего!» – Деметрий выскользнул наружу, Александр же был зарублен стражею, а вместе с ним и друзья, которые кинулись на помощь. Как сообщают, один из македонян, умирая, сказал, что Деметрий опередил их только лишь на день.

37. Ночь, как и следовало ожидать, прошла в смятении и замешательстве, однако враждебных выступлений не было, а наутро Деметрий послал в лагерь к македонянам гонца с сообщением, что хочет говорить с ними и оправдаться в своих действиях. Это успокоило и ободрило македонян, страшившихся силы Деметрия, они решили принять его дружелюбно, и, когда он прибыл, в долгих речах нужды не оказалось: матереубийцу Антипатра они ненавидели, где искать лучшего государя, не знали, а потому провозгласили царем Деметрия и немедля повели его в Македонию. Перемена эта была принята не без удовольствия и в самой Македонии, где постоянно помнили о злодеяниях, которые совершил Кассандр против умершего Александра, а если еще сохранялась какая-то память о старшем Антипатре и его справедливости, то и она была на пользу Деметрию, супругу Филы, родившей ему сына и наследника, который в то время был уже взрослым юношей и участвовал в походе под начальством отца.

38. Взысканный такой удивительною удачей, Деметрий вскорости узнает, что дети его и мать на свободе – Птолемей не только отпустил их с миром, но и осыпал дарами и почестями, - а затем приходит известие о дочери, выданной за Селевка: она сделалась женою Антиоха, сына Селевка, и царицею над варварами внутренних областей Азии. [...]

39. После Македонии Деметрий захватил и Фессалию. Владея к этому времени большей частью Пелопоннеса, а по сю сторону Истма – Мегарами и Афинами, он двинулся походом на беотийцев. Те сперва заключили с ним дружественный договор на умеренных условиях, но затем в Фивы явился спартанец Клеоним с войском, беотийцы воспрянули духом и расторгли союз с Деметрием, к чему их всячески склонял и феспиец Писид, один из самых знаменитых и влиятельных в ту пору людей. Тогда Деметрий придвинул к стенам Фив осадные машины и осадил город, и перепуганный Клеоним тайно бежал, а беотийцы, в ужасе, сдались на милость победителя. По общему суждению Деметрий обошелся с ними не слишком строго: он расставил в городах сторожевые отряды, взыскал большой денежный штраф и назначил правителем историка Иеронима. Однако всего больше восхищения вызвал его поступок с Писидом, которому он не причинил ни малейшего вреда, напротив – дружески с ним беседовал и сделал полемархом в Феспиях. Спустя немного времени Лисимах оказался в плену у Дромихета. Деметрий немедля выступил в поход, рассчитывая захватить Фракию, лишившуюся защитников, но не успел он удалиться, как беотийцы снова отложились, а вслед за тем пришло известие, что Лисимах уже на свободе. В гневе Деметрий повернул назад и, узнав, что сын его, Антигон, уже разбил беотийцев в открытом бою, опять осадил Фивы.

40. Так как Пирр между тем опустошал Фессалию и появился у самых Фермопил, Деметрий двинулся против него, поручив продолжать осаду Антигону. Пирр поспешно отступил, и Деметрий, разместив в Фессалии десять тысяч пехотинцев и тысячу всадников, снова усилил натиск на Фивы. Он приказал подвести так называемую «Погубительницу городов», но из-за громадного веса и размеров ее тянули с таким трудом и так медленно, что за два месяца она прошла не более двух стадиев. Беотийцы оборонялись с решимостью и мужеством, и Деметрий нередко заставлял своих сражаться и подвергать себя опасности не столько по необходимости, сколько из упорства. Видя, как много воинов гибнет, Антигон тяжело страдал и однажды спросил: «Зачем мы допускаем, отец, чтобы эти люди пропадали безо всякой пользы?» – «А ты-то что беспокоишься? – в сердцах возразил Деметрий. – Или, может, тебе приходится выдавать мертвым довольствие?» Не же-

лая, однако, чтобы думали, будто он не щадит лишь чужой крови, Деметрий и сам бился в первых рядах, и получил опасную и мучительную рану – стрела из катапульты пробила ему шею. Тем не менее он не отступился от начатого и взял Фивы во второй раз. Жители были в величайшем смятении, ожидая самой свирепой расправы, но Деметрий, казнив тринадцать зачинщиков и сколько-то человек изгнав, остальных простил. Таким образом, за неполные десять лет после восстановления Фивам довелось дважды побывать в руках неприятеля.

Когда подошло время Пифийских игр, Деметрий отважился на дело, до того дня неслыханное и небывалое: так как перевалы, ведущие в Дельфы, были заняты этолийцами, он устроил состязания и всенародное празднество в Афинах, ибо здесь, как он объяснил, скорее, чем в любом ином месте, надлежало чтить Аполлона, отчего бога афинян, слывущего их родоначальником.

41. Из Афин Деметрий возвратился в Македонию, но и сам он не был создан для мирной жизни и, кроме того, не мог не видеть, что подданные его больше преданности проявляют в походах, дома же непокорны и строптивы, а потому выступил против этолийцев, опустошил их страну и, оставивши там Пантавха во главе значительного отряда, сам двинулся на Пирра. Пирр, в свою очередь, выступил против Деметрия, но противники разминулись, и Деметрий принялся разорять Эпир, а Пирр напал на Пантавха и завязал сражение, во время которого полководцы сошлись в поединке. Оба были ранены, однако бежал Пантавх, многих потерявши убитыми и пять тысяч пленными. Эта неудача оказалась непоправимой бедой для Деметрия: Пирр стяжал не столько ненависть, сколько восхищение противников, убедившихся, что победа была, в прямом смысле слова, делом его рук. С тех пор имя Пирра пользовалось в Македонии громкою славой, и многие говорили, что среди всех царей лишь в нем одном виден образ Александровой отваги, остальные же – и в первую очередь, Деметрий – словно на сцене перед зрителями, пытаются подражать лишь величию и надменности умершего государя.

И верно, Деметрий во многом походил на трагического актера. Он не только покрывал голову кавсией с великолепною двойною перевязью, не только носил алую, с золотой каймой одежду, но и обувался в башмаки из чистого пурпура, расшитые золотом. Долгое время для него изготовляли плащ – редкостное произведение ткаческого искусства, с картиной вселенной и подобием небесных явлений и тел. Из-за новой перемены обстоятельств работа осталась незавершенной, и никто не дерзнул накинуть на плечи этот плащ, хотя и после Деметрия в Македонии правило немало приверженных к роскоши царей.

42. Но не один внешний облик царя оскорблял македонян, не привычных ни к чему подобному, их тяготил и его разнузданный уклад жизни, и, главным образом, его неприступность и недоступность. Он либо вовсе отказывал в приеме, либо, если уже принимал просителей, то говорил с ними сурово и резко. Афинское посольство Деметрий продержал в ожидании целых два года, а ведь никому из греков не уделял он столько заботы, сколько афинянам. Когда из Лакедемона прибыл всего один посол, Деметрий счел это знаком пренебрежения и гневно воскликнул: «Как ты сказал? Лакедемоняне прислали одного посла?!» – «Да, царь, одного – к одному», – остроумно и подлинно по-лаконски отвечал спартанец. Однажды окружающим померещилось, будто Деметрий выехал из дворца в более благодушном настроении, чем обычно, и готов оказать внимание чужим речам. Сбежались несколько человек и подали ему письменные прошения. Он принял их все и сложил в полу плаща, а люди радовались и шли следом, однако же на мосту через Аксий Деметрий развернул плащ и вытряхнул прошения в реку. Македоняне были страшно удручены, видя, что Деметрий не царствует, а измывается над ними, и вспоминая Филиппа или же слушая рассказы о том, какой он был справедливый, обходительный и приветливый. Впрочем, раз случилось, что какая-то старая женщина неотвязно плелась за Деметрием, умоляя уделить ей несколько времени, и, услышав, наконец, в ответ, что царю недосуг, вскричала: «Ну, тогда откажись и от царства!» – и слова эти попали в цель. Деметрий глубоко задумался, вернулся домой и, отложив все прочие дела, много дней под-

ряд принимал просителей и жалобщиков, начавши с той старухи. И действительно, нет у царя долга важнее, нежели забота о правосудии. Арес – □А□□н, как говорит Тимофей, а закон по выражению Пиндара, - «царь надо всем сущим». И у Гомера мы не прочтем, что цари получают от Зевса осадные машины и обшитые медью суда, - нет, бог дает царям свои заветы с наказом хранить их и беречь, и не самого воинственного, несправедливого и кровожадного из царей называет поэт собеседником и учеником Зевса, но самого справедливого. Деметрий, между тем, радовался, слыша свое прозвище, столь несхожее с прозванием царя богов: Зевса величают Хранителем и Владыкою городов, а Деметрия называли Полиоркетом – Осаждающим города. Так грубая сила привела зло на место добра и рядом со славою поселила несправедливость.

43. Когда Деметрий, опасно заболев, лежал в Пелле, Пирр стремительно ворвался в Македонию и дошел до самой Эдессы, так что враг его чуть было не лишился престола. Однако, едва оправившись, Деметрий легко изгнал Пирра из своих владений, а затем заключил с ним договор, стремясь положить конец беспрерывным стычкам и схваткам, отвлекавшим его от главного и основного замысла. Замышлял же он не что иное, как восстановить в прежних пределах державу своего отца. Приготовления Деметрия нимало не уступали величию его намерений и упований. Он собрал уже девяносто тысяч пехоты, без малого двенадцать тысяч конницы и намеревался спустить на воду флот из пятисот кораблей, которые строил одновременно в Пирее, Коринфе, Халкиде и близ Пеллы. Каждую из верфей Деметрий посещал сам, давал наставления и советы, работал вместе с плотниками, и все дивились не только числу будущих судов, но и их размерам – ведь никому еще не доводилось видеть корабли с пятнадцатью и шестнадцатью рядами весел.

44. Видя, что против Азии вскоре выступит такая огромная сила, какую после Александра не располагал еще никто, для борьбы с Деметрием объединились трое царей – Селевк, Птолемей, Лисимах. Все вместе они отправили посольство к Пирру, убеждая его ударить на Македонию и считать недействительным договор, которым Деметрий не ему, Пирру, дал обязательство воздерживаться от нападений, но себе присвоил право нападать на кого сам пожелает и выберет. Пирр согласился, и вокруг Деметрия, который еще не завершил последних приготовлений, разом вспыхнуло пламя войны. У берегов Греции появился с большим флотом Птолемей и склонял города к измене, а в Македонию, грабя и разоряя страну, вторглись из Фракии Лисимах, а из сопредельных областей Пирр. Деметрий оставил в Греции сына, сам же, обороняя Македонию, двинулся сперва на Лисимаха. Но тут приходит весть, что Пирр взял город Берию. Слух об этом быстро разнесся среди □Акедонян, и сразу же всякий порядок в войске исчез, повсюду звучали жалобы, рыдания, гневные речи и проклятия Деметрию, солдаты не хотели оставаться под его начальством и кричали, что разойдутся по домам, но в действительности собирались уйти к Лисимаху.

Тогда Деметрий решил держаться как можно дальше от Лисимаха и повернуть против Пирра, рассудив, что Лисимах его подданным – соплеменник и многим хорошо известен еще по временам Александра, но Пирра, пришельца и чужеземца, македоняне Деметрию никогда не предпочтут. Однако ж он жестоко просчитался. Когда Деметрий разбил лагерь невдалеке от Пирра, его македоняне, уже давно восхищавшиеся воинской доблестью Пирра и с молоком матери впитавшие убеждение, что самый храбрый воин всех более достоин и царства, узнали вдобавок, как милостиво и мягко обходится он с пленными, и, одержимые желанием во что бы то ни стало избавиться от Деметрия, стали уходить. Сперва они уходили тайком и порознь, но затем весь лагерь охватили волнение и тревога, и, в конце концов, несколько человек, набравшись храбрости, явились к Деметрию и посоветовали ему бежать и впредь заботиться о своем спасении самому, ибо македоняне не желают больше воевать ради его страсти к роскоши и наслаждениям. По сравнению с □А□быми, злобными криками, которые неслись отовсюду, эти слова показались Деметрию образцом сдержанности и справедливости. Он вошел в шатер и, уже не как царь, но как актер, переоделся, сменив свой знаменитый, роскошный плащ на темный и обыкно-

венный, а затем неприметно ускользнул. И сразу чуть ли не все войско бросилось грабить царскую палатку, начались драки, но тут появился Пирр, первым же своим криком водворил тишину и завладел лагерем. Вся Македония была поделена между ним и Лисимахом – после семи лет твердого и уверенного правления Деметрия.

45. Итак, Деметрий лишился власти и бежал в Кассандрию. Филадельфия была безутешна; не в силах глядеть на своего супруга, злополучнейшего из царей, который снова сделался обыкновенным смертным и изгнанником, отрекшись от всех надежд, проклявши судьбу, в счастии столь ветреную, в бедах же столь упорную, она выпила яду и умерла, а Деметрий, задумав собрать хотя бы обломки, оставшиеся после этого кораблекрушения, уехал в Грецию и стал созывать своих тамошних военачальников и приверженцев. [...]

46. Но едва лишь он вступил на «царский путь» надежды, как вернул себе и внешнее обличье, и самое существо власти. Фиванцам он даровал их прежнее государственное устройство, афиняне же отпали от Деметрия и, вычеркнув из списка эпонимов Дифила, который был внесен туда по праву жреца Спасителей, постановили снова выбирать должностных лиц в согласии с отеческими обычаями, а поскольку Деметрий, вопреки их ожиданиям, быстро входил в силу, призвать из Македонии Пирра. В ярости Деметрий начал жестокую осаду города, но, когда народ прислал к нему философа Кратета, человека прославленного и уважаемого, он склонился на просьбы этого посланца, а вместе с тем признал и справедливость его советов, касавшихся преимуществ и выгод самого Деметрия; прекратив осаду, он собрал все суда, какие были в его распоряжении, и, погрузив на них одиннадцать тысяч пехотинцев и конницу, поплыл в Азию, чтобы отнять у Лисимаха Карию и Лидию.

В Милете его встретила сестра Филы Эвридика с Птолемаидой, своей дочерью от Птолемея, которая давно уже была помолвлена за Деметрия хлопотами Селевка. Теперь Деметрий принял девушку из рук матери и женился на ней. Сразу же после свадьбы он двинулся против азийских городов и многие взял силой, а многие присоединились к нему добровольно. Занял он и Сарды. Иные из Лисимаховых наместников перешли на сторону Деметрия, предоставив в его распоряжение казну и солдат. Но когда появился с войском Агафокл, сын Лисимаха, Деметрий ушел во Фригию, чтобы затем, - в случае если бы удалось добраться до Армении, - возмутить Мидию и утвердиться во внутренних провинциях Азии, где гонимому легко было найти укрытие и прибежище. Но Агафокл следовал за ним по пятам, и хотя Деметрий в нескольких стычках одержал верх, положение его было трудным, ибо враг не давал собирать продовольствие и корм для лошадей, а воины уже начинали догадываться, что их уведут в Армению и Мидию. Голод усиливался, а тут еще случилась беда при переправе через бурный и стремительный Лик – переправе, стоившей жизни многим людям Деметрия. [...]

47. Наконец, к голоду присоединился мор, - как и во всех прочих случаях, когда нужда заставляет употреблять в пищу что ни попало, - и, потеряв в общем не менее восьми тысяч, Деметрий повел уцелевших назад.

Он спустился в Тарс и хотел оставить в неприкосновенности страну, находившуюся тогда под властью Селевка, чтобы не дать ему ни малейшего повода к враждебным действиям, но это оказалось невозможным, потому что воины были в последней крайности, а перевалы через Тавр закрыл Агафокл, и Деметрий написал Селевку письмо с пространными жалобами на свою судьбу и горячей мольбой смилостивиться над родичем, претерпевшим такие беды, какие даже у врагов не могут не вызвать сострадания. Селевк, и в этом деле, был растроган и отправил приказ своим наместникам выдавать Деметрию царское содержание, а его солдатам – продовольствие в полном достатке. Тут, однако, царя посещает Патрокл, считавшийся верным его другом и человеком проникательным, и внушает Селевку, что издержки на прокорм воинов Деметрия – еще не главная беда, но смотреть сквозь пальцы на то, как этот человек располагается в его владениях, - непростительное легкомыслие, ибо Деметрий и всегда-то был самым бесчинным и беспокойным между царями, а теперь, вдобавок, находится в таких обстоятельствах, которые и смиренно-

го от природы человека толкнут на любую дерзость и насилие. Доводы Патрокла оказали свое действие, и Селевк с большим войском выступил в Киликию.

Деметрий, пораженный и испуганный этой внезапной переменою, отступил в дикую, неприступную местность среди гор Тавра и через посланца просил Селевка, чтобы тот, по крайней мере, не препятствовал ему покорить какое-либо из независимых варварских племен и там, среди варваров, провести остаток своих дней, положив конец бегству и скитаниям; если же Селевк и на это не согласен, пусть снабдит его людей пропитанием до весны и оставит их здесь же, в горах, но не гонит прочь и не выдает врагам страдальца, совершенно беспомощного и беззащитного. 48. Селевку, однако, внушали подозрения оба этих плана и он предложил Деметрию провести, если угодно, два зимних месяца в Катаонии, но потребовал в заложники первых и самых видных из его друзей, а сам, в то же время, стал заграждать перевалы, ведущие в Сирию, так что Деметрий, обложенный точно дикий зверь на охоте, вынужден был обратиться к силе и принялся разорять набегами страну, неизменно выходя победителем из столкновений с войсками Селевка. Он обратил в бегство даже пущенные против него серпоносные колесницы и овладел перевалами на пути в Сирию, выбив оттуда вражеских воинов, которые вели заградительные работы.

После этого к Деметрию вернулось все его мужество, и, видя, что воины также вновь исполнены веры в собственные силы, он начал готовиться к последнему и решающему бою с Селевком. Теперь уже в невыгодном и трудном положении оказывался Селевк, который помощь Лисимаха отклонил, не доверяя фракийскому царю и страшась его, сразиться же с Деметрием один на один не смел, робея пред отчаянной его смелостью и переменчивой судьбой: не было случая, чтобы за крайними бедами судьба не послала ему величайшую удачу. Но в это время Деметрий тяжело захворал, и болезнь не только жестоко изнурила его тело, но и смешала, расстроила все его планы, ибо часть воинов ушла к неприятелю, а многие просто разбежались. Насилу оправившись после сорока дней недуга, он собрал остатки своих людей и двинулся, - насколько мог видеть и предполагать неприятель, - в Киликию, но затем ночью, соблюдая полную тишину, повернул в противоположную сторону, перевалил через Аман и принялся разорять лежавшую у его подножья страну вплоть до самой Киррестики.

49. Когда же Селевк, явившись по его следам, разбил лагерь невдалеке, Деметрий, подняв войско среди ночи, выступил в сторону вражеского лагеря и прошел значительную часть пути, меж тем как Селевк крепко спал, ни о чем не подозревая. В конце концов, перебежчики все же предупредили его об опасности, он в испуге вскочил с постели и тут же приказал трубить боевой сигнал – еще не успев обуться и крича друзьям, что схватился со страшным зверем. По шуму у неприятеля Деметрий понял, что хитрость его раскрыта, и поспешно отошел. На рассвете Селевк бросился в наступление. Деметрий отправил на другое крыло кого-то из друзей, а сам, между тем, сумел привести врага в замешательство и потеснить его. Тогда Селевк соскочил с коня, снял шлем и с одним щитом в руке зашагал навстречу наемникам, стараясь, чтобы его узнали, и призывая всех перейти на его сторону: пора им, наконец, понять, кричал Селевк, что лишь ради них, а не шадя Деметрия, он проявляет столько терпения. Все горячо его приветствовали, называли царем и обращали оружие против Деметрия, а тот, почувствовав, что свершается последняя из превратностей, какие были суждены ему в жизни, оставил поле боя и бежал по направлению к Аманским воротам. С несколькими друзьями и ничтожной горсткою слуг он забился в чащу леса и дожидался ночи, рассчитывая, если ничто не помешает, выбраться на дорогу к Кавну и проскользнуть к берегу моря – там он надеялся найти корабли на якорной стоянке. Ему сказали, однако, что припасов не достанет даже на этот один день; надо было искать другого выхода, но тут подоспел друг Деметрия Сосиген с четырьмястами золотых в поясе. На эти деньги беглецы могли проделать весь путь до моря, и, когда стемнело, они тронулись к перевалу. Однако на высотах близ перевала уже пылали вражеские костры, и, окончательно отказавшись от своего замысла, они вернулись на прежнее место, но уже не в прежнем количестве – некоторые покинули Деметрия и бежали – и не с прежнею бодро-

стью. Кто-то решился заметить, что Деметрию, дескать, следовало бы сдаться на милость Селевка. Деметрий выхватил меч и хотел заколоть себя, тогда друзья обступили его, утешая и в один голос уговаривая последовать этому совету, и, в конце концов, Деметрий отправил к Селевку гонца с известием, что готов предать себя в его руки.

50. Когда Селевку доложили об этом, он сказал, что спасением Деметрий обязан не своей, а его, Селевка, счастливой судьбе, которая, после всех прочих благодеяний, преподносит ему и этот дар – случай выказать человеколюбие и доброту. Кликнув слуг, он распорядился поставить царский шатер и сделать все остальные приготовления к великолепному, щедрому приему. В окружении Селевка был некий Аполлонид, в прошлом близкий знакомый Деметрия. Царь немедленно послал его к Деметрию, чтобы тот не унывал и не падал духом, – ведь его ожидает встреча с родичем, с зятем. Когда решение Селевка получило огласку, сперва немногие, а затем чуть ли не все его друзья наперебой устремились к Деметрию в твердой уверенности, что скоро он сделается первым человеком при государе. Это превратило в ревность сострадание Селевка, а людям злонамеренным и завистливым предоставило повод подавить всякое человеколюбие в душе царя, пугая его, что стоит лишь Деметрию показаться в лагере – и немедленно, в тот же самый миг начнется всеобщий мятеж.

И вот, едва успел прибыть к Деметрию ликующий Аполлонид, едва подоспели остальные царедворцы с вестями о поразительном великодушии Селевка, едва сам Деметрий ободрился после такого несчастья и невезения, поверил новым надеждам и взглянул новыми глазами на свое согласие сдаться, которое прежде казалось ему позором, – как вдруг появляется Павсаний во главе примерно тысячного отряда пехоты и конницы, мгновенно окружает Деметрия, гонит прочь всех остальных и, даже не заходя в царский лагерь, уводит пленника прямо в Херсонес Сирийский. Там был уже размещен сильный сторожевой отряд, но потом Селевк прислал Деметрию многочисленную челядь для услуг, с безукоризненной щедростью назначил ему ежедневное содержание и разрешил охотиться в царских заповедниках, гулять и заниматься телесными упражнениями в царских садах. Никто из друзей, которые бежали с ним вместе и теперь хотели навестить пленника, не встречал отказа, а иногда наезжали и приближенные Селевка, пересказывали утешительные слухи и просили Деметрия мужаться, потому что, уверяли они, как только приедут Антиох со Стратоникой, его освободят.

51. В этих горестных обстоятельствах Деметрий дал знать сыну, а также своим наместникам и приверженцам в Афинах и Коринфе, чтобы они не доверяли ни письмам его, ни печати, но берегли бы все города и все, что еще сохранилось от его власти и державы, для Антигона так, словно его, Деметрия, уже нет в живых. Антигон, узнавши о пленении отца, был в страшном горе; он облачился в траурные одежды и написал всем царям и самому Селевку, моля о помощи и милосердии и предлагая, если только он согласится освободить Деметрия, в первую очередь, себя – заложником, а затем – все уцелевшие остатки своего достояния. Просьбы Антигона поддерживали многие города и властители, и только Лисимах сулил Селевку большие деньги, если он умертвит Деметрия. Селевк, который всегда испытывал к Лисимаху отвращение, после этого случая считал его совершеннейшим злодеем и варваром, однако ж с освобождением Деметрия медлил, желая, чтобы оно совершилось милостью Антиоха и Стратоники.

52. Вначале Деметрий переносил свою участь спокойно, приучался не замечать тягот неволи, много двигался – охотился (в пределах дозволенного), бегал, гулял, но постепенно занятия эти ему опротивели, он обленился, и большую часть времени стал проводить за вином и игрою в кости, то ли ускользая от дум, осаждавших его, когда он бывал трезв, и стараясь замутить хмелем сознание, то ли признав, что это и есть та самая жизнь, которой он издавна жаждал и домогался, да только по неразумию и пустому тщеславию сбился с пути, и причинил немало мук самому себе и другим, разыскивая среди оружия, корабельных снастей и лагерных палаток счастье, ныне обретенное, вопреки ожиданиям, в бездельи, праздности и досуге. И верно, есть ли иная цель у войн, которые ведут, не останавли-

ваясь пред опасностями, негодные цари, безнравственные и безрассудные?! Ведь дело не только в том, что вместо красоты и добра они гонятся за одной лишь роскошью и наслаждениями, но и в том, что даже наслаждаться и роскошествовать по-настоящему они не умеют.

На третьем году своего заключения Деметрий, от праздности, обжорства и пьянства, заболел и скончался в возрасте пятидесяти четырех лет. Все в один голос порицали Селевка, и сам он корил себя за чрезмерную подозрительность и за то, что не последовал примеру хотя бы варвара-фракийца Дромихета, который так мягко и подлинно по-царски обошелся с пленным Лисимахом.

53. И в погребении Деметрия было многое от показного блеска трагедии на театре. Сын его, Антигон, получив сообщение, что везут прах умершего, собрал все свои корабли, вышел навстречу к самым Островам и принял золотую урну на борт самого большого из флагманских судов. Города, близ которых флот останавливался на якоре, возлагали на урну венки либо даже отряжали особых посланцев в траурных одеждах сопровождать скорбную процессию и участвовать в похоронах. Когда корабли подходили к Коринфу, урну поместили высоко на корме, украсив ее царской багряницей и диадемой, а вокруг стали в караул юноши с копьями. Подле сидел Ксенофант, самый знаменитый из тогдашних флейтистов, и играл священный, глубоко чтимый напев, а так как весла двигались в строгой размеренности, их удары сопровождали песнь флейты, словно тяжкие биения в грудь. Наибольшую скорбь и сострадание у собравшихся на берегу вызывал, однако, сам Антигон, убитый горем, обливающийся слезами. Коринфяне оказали останкам Деметрия подобающие почести, возложили венки, а затем Антигон увез урну в Деметриаду и похоронил. Этот город носил имя умершего и был создан из нескольких небольших поселений близ Иолка, сведенных в одно.

Деметрий оставил сына Антигона и дочь Стратонику от Филы, еще двух сыновей по имени Деметрий – одного, по прозвищу Тоший, от жены-иллирианки, и другого, который впоследствии правил Киреной, от Птолемаиды, - и, наконец, от Деидами Александра, окончившего свои дни в Египте. По некоторым сведениям, у него был еще сын Корраг от Эвридики. Потомки Деметрия непрерывно занимали престол вплоть до Персея, при котором Македония была покорена римлянами.

Перевод С.П. Маркиша

Вопросы по тексту источника:

1. Дайте характеристику личных качеств Деметрия, отметьте его сильные и слабые стороны.
2. Как строились взаимоотношения Деметрия с Афинами?
3. При каких обстоятельствах Антигон и Деметрий были объявлены царями?
4. Назовите соперников Деметрия в Греции.

Плутарх. Биография Пирра

Биография Пирра, написанная Плутархом, важна для изучения событий, происходивших в Греции во время войн диадохов. Текст приводится с сокращениями.

3. [...] Лицо у Пирра было царственное, но выражение лица скорее пугающее, нежели величавое. Зубы у него не отделялись друг от друга: вся верхняя челюсть состояла из одной сплошной кости, и промежутки между зубами были намечены лишь тоненькими бороздками. Верили, что Пирр может доставить облегчение страдающим болезнью селезенки, стоит ему только принести в жертву белого петуха и его правой лапкой несколько раз легонько надавить на живот лежащего навзничь больного. И ни один человек, даже самый

бедный и незнатный, не встречал у него отказа, если просил о таком лечении: Пирр брал петуха и приносил его в жертву, и такая просьба была для него самым приятным даром. Говорят еще, что большой палец одной его ноги обладал сверхъестественными свойствами, так что, когда после его кончины все тело сгорело на погребальном костре, этот палец был найден целым и невредимым. Но это относится к временам более поздним.

4. Когда Пирру исполнилось семнадцать лет, он, считая, что власть его достаточно крепка, отправился за пределы своей страны, чтобы взять в жены одну из дочерей Главкии, вместе с которыми он воспитывался. Тогда молоссы снова восстали, изгнали его приверженцев, разграбили имущество и призвали на царство Неоптолема. А Пирр, утратив власть и лишившись всего своего достояния, примкнул к Деметрию, сыну Антигона, женатому на его сестре Деидами. Она еще девочкой была просватана за Александра, сына Роксаны, но когда дело Александра и его матери оказалось проигранным, ее, уже созревшую для брака, взял в жены Деметрий. В большой битве при Ипсе, где сражались все цари, Пирр, в ту пору еще совсем юный, принял участие на стороне Деметрия и отличился в этом бою, обратив противников в бегство. Когда же Деметрий потерпел поражение, Пирр не покинул его, но сперва по его поручению охранял города Эллады, а после заключения перемирия был отправлен заложником к Птолемею в Египет. Там на охотах и в гимнасиях он сумел показать Птолемею свою силу и выносливость, но особенно старался угодить Беренике, так как видел, что она, превосходя остальных жен Птолемея добродетелью и разумом, пользуется у царя наибольшим влиянием. Пирр умел войти в доверие к самым знатным людям, которые могли быть ему полезны, а к низшим относился с презрением, жизнь вел умеренную и целомудренную, и потому среди многих юношей царского рода ему оказали предпочтение и отдали ему в жены Антигону, дочь Береники, которую она родила от Филиппа еще до того, как вышла за Птолемея. (5). После женитьбы Пирр стяжал себе еще более громкое имя, да и Антигона была ему хорошей женой, и потому он добился, чтобы его, снабдив деньгами, отправили с войском в Эпир отвоевать себе царство. Там многие были рады его приходу, ибо ненавидели Неоптолема за его жестокое и незаконное правление. Все же опасаясь, как бы Неоптолем не обратился за помощью к кому-нибудь из царей, Пирр прекратил военные действия и по-дружески договорился с ним о совместной власти.

Однако с течением времени нашлись люди, которые стали тайно разжигать их взаимную неприязнь и подозрения. [...] Узнав [о заговоре Неоптолема против себя], Пирр поначалу не подал виду, но во время празднества пригласил Неоптолема на пир и убил его, зная, что это одобряют самые могущественные эпироты [...].

6. Помня о Беренике и Птолемею, Пирр назвал сына, которого родила ему Антигона, Птолемею, а городу, основанному на Эпирском полуострове, дал название Береникида.

С тех пор он питал в душе много великих замыслов, однако больше всего надежд сулило ему вмешательство в дела соседей-македонян, для которого он нашел вот какой предлог. Антипатр, старший сын Кассандра, убил свою мать Фессалонику и изгнал брата Александра. Тот отправил послов к Деметрию с просьбой о помощи и одновременно призвал Пирра. Деметрий, занятый другими делами, замешкался, а Пирр тотчас явился и потребовал в награду за союз Стимфею и Паравею, подвластные македонянам, а также Амбракию, Акарнанию и Амфилохию, принадлежавшие покоренным ими народам. Когда юноша согласился, Пирр захватил эти области, оставил в них свои гарнизоны, а остальные владения, отобрав у Антипатра, вернул Александру. Царь Лисимах хотел помочь Антипатру, но, отвлекаемый другими делами и зная, что Пирр не пожелает оказаться неблагоприятным и ни в чем не откажет Птолемею, послал Пирру от имени Птолемея подложное письмо с требованием прекратить войну, взяв у Антипатра тридцать талантов. Вскрыв письмо, Пирр тотчас разгадал обман: в письме стояло не обычное обращение — «Отец приветствует сына», а другое — «Царь Птолемей приветствует царя Пирра». Выбрав Лисимаха, он тем не менее заключил мир и встретился с ним и Антипатром, чтобы скрепить договор жертвоприношением и клятвой. Когда привели барана, быка и кабана, баран не ожи-

данно околел; все засмеялись, а предсказатель Феодот запретил Пирру клясться, объявив, что божество возвещает смерть одному из трех царей. Так Пирр отказался от мирного договора. (7). Деметрий прибыл, когда дела Александра были улажены и тот в нем уже не нуждался. Он лишь испугал Александра, а пробив несколько дней вместе, оба прониклись взаимным недоверием и стали строить друг другу козни. Деметрию первому представился удобный случай, он умертвил юношу и был провозглашен царем Македонии.

У Деметрия и раньше были разногласия с Пирром, который уже совершил несколько набегов на Фессалию и чья алчность — врожденный порок всех самодержцев — делала соседство с ним опасным и беспокойным, особенно после смерти Деидамии. Когда же Пирр и Деметрий, поделив Македонию, столкнулись, поводов для раздора стало еще больше, и, наконец, Деметрий, завершив поход на этолийцев, разбив их и оставив в Этолии большие силы во главе с Пантавхом, сам выступил против Пирра, который, узнав об этом, двинулся ему навстречу. Однако оба сбились с пути и разминулись; Деметрий вторгся в Эпир и разграбил его, а Пирр напал на Пантавха и завязал с ним бой. Ожесточенно бились в этом сражении воины, но еще ожесточенней — полководцы. Пантавх, с которым, по общему признанию, ни один из военачальников Деметрия не мог сравниться ни храбростью, ни силой, ни крепостью тела, с присущей ему дерзостью и высокомерием вызвал Пирра на поединок, а тот, не желая никому из царей уступать в мужестве и стремясь, чтобы слава Ахилла досталась ему по заслугам, а не в наследство от предков, прошел через первый ряд своих воинов и выступил навстречу Пантавху. Сперва они метнули друг в друга копья, а потом, сойдясь врукопашную, бились на мечах столь же упорно, сколь и умело. Пирр получил одну рану, а сам ранил противника дважды — один раз в бедро, другой в шею — и свалил его, но умертвить не смог, так как друзья отбили Пантавха и унесли. Эпироты, ободренные победой своего царя и дивившиеся его доблести, прорвали своим натиском строй македонян, бросились преследовать бегущих и многих убили, а пять тысяч взяли в плен.

8. Этот поединок и поражение, нанесенное македонянам, не столько разгневали их и вызвали ненависть к Пирру, сколько умножили его славу и внушили свидетелям и участникам битвы восхищение его доблестью. О нем много говорили и считали, что и внешнею своей, и быстротой движений он напоминает Александра, а видя его силу и натиск в бою, все думали, будто перед ними — тень Александра или его подобие, и если остальные цари доказывали свое сходство с Александром лишь пурпурными облачениями, свитой, наклоном головы да высокомерным тоном, то Пирр доказал его с оружием в руках. О его познаниях и способностях в военном деле можно судить по сочинениям на эту тему, которые он оставил. Рассказывают, что на вопрос, кого он считает лучшим полководцем, Антигон ответил (говоря лишь о своих современниках): «Пирра, если он доживет до старости». А Ганнибал утверждал, что опытом и талантом Пирр превосходит вообще всех полководцев, второе место отводил Сципиону, а третье — себе, как мы рассказали в жизнеописании Сципиона. Судя по всему, Пирр занимался одним военным делом и только в него углублялся, считая, что лишь это пристало знать царю, и совершенно не ценя всякую иную образованность. Говорят, что как-то на пиру ему задали вопрос: какой флейтист кажется ему лучше, Пифон или Кафисий? Он же отвечал: «Полководец Полисперхонт, ибо царю пристойно знать и рассуждать только о ратном искусстве». К приближенным Пирр был благосклонен, не гневлив и всегда готов немедля оказать друзьям благодеяние. [...] Однажды в Амбракии кто-то ругал и позорил Пирра, и все считали, что нужно отправить виновного в изгнание, но Пирр сказал: «Пусть лучше остается на месте и бранит нас перед немногими людьми, чем, странствуя, позорит перед всем светом». Как-то раз уличили юношей, поносивших его во время попойки, и Пирр спросил, правда ли, что они вели такие разговоры. Один из них ответил: «Все правда, царь. Мы бы еще больше наговорили, если бы у нас было побольше вина». Пирр рассмеялся и всех отпустил.

9. После смерти Антигоны он женился еще не раз и всегда из расчета, желая расширить свои владения. Он был женат на дочери Автолеонта, царя пэонийцев, на Биркенне, дочери

Бардиллия, царя иллирийцев, и на Ланассе, дочери Агафокла Сиракузского, которая принесла ему в приданое захваченный Агафоклом город Керкиру. От Антигоны у него был сын Птолемей, от Ланассы — Александр, а от Биркенны — Гелен, самый младший. Всех их он с самого рождения закалял для будущих битв и воспитал храбрыми и пылкими в бою. Говорят, что один из них в детстве спросил отца, кому он оставит царство, и Пирр отвечал: «Тому из вас, у кого будет самый острый меч». Это ничем не отличается от проклятия из трагедии: пусть братья

Мечом двуострым делят меж собою дом.

Вот к каким чудовищным раздорам ведет жажда власти!

10. После битвы Пирр вернулся домой, ликуя и блистая славой. Эпироты дали ему прозвище Орел, и он отвечал: «Благодаря вам я сделался орлом. Да и как же иначе? Ведь ваше оружие, словно крылья, вознесло меня ввысь!» Спустя недолгое время, узнав о тяжелой болезни Деметрия, он внезапно вторгся в Македонию и, хотя это был лишь набег ради добычи, чуть было не овладел всей страной и не захватил без боя целое царство: вплоть до самой Эдессы он прошел, не встречая сопротивления, причем многие присоединялись к нему и вместе с ним выступали в поход. Опасность заставила Деметрия подняться и вернула ему силы, а его приближенные и военачальники, за короткий срок собрав большое войско, решительно и быстро двинулись навстречу Пирру. А тот, явившийся с намерением всего лишь пограбить, не мешкая пустился в бегство, по дороге потеряв под ударами македонян часть своего войска. В короткий срок легко изгнав Пирра из страны, Деметрий на этом не успокоился, но задумал большой поход, собрал стотысячное войско и снарядил флот из пятисот кораблей, чтобы вернуть себе отцовское царство. Поставив такую цель, он не желал ни тратить силы, сражаясь с Пирром, ни оставлять у границ Македонии такого опасного и докучного соседа, а потому, не имея возможности продолжать военные действия против Пирра, решил сперва заключить с ним мир, а затем обратиться против других царей.

Когда соглашение было заключено, а замыслы Деметрия и размеры подготовленных им сил стали известны всем, напуганные цари стали посылать к Пирру вестников и писать ему, что они, мол, удивляются, почему он упускает удобный для войны момент и ждет, когда такой момент представится Деметрию, почему не воспользуется возможностью изгнать его из Македонии, пока он занят делами и тесним со всех сторон, почему медлит, пока тот не развяжет себе руки и не умножит силы настолько, что молоссам придется сражаться на своей земле за святилища и могилы отцов: ведь враг уже отнял у него Керкиру вместе с женой. Дело в том, что Ланасса, часто упрекавшая Пирра за то, что он больше привязан к женам-варваркам, чем к ней, удалилась в Керкиру и, желая вступить в брак с другим царем, призвала Деметрия, который, как она знала, был более других царей охоч до женщин. Деметрий приплыл в Керкиру, сошелся с Ланассой и поставил в городе гарнизон.

11. Посылая Пирру такие письма, цари, пока Деметрий собирался и готовился, сами двинулись на него войной. Птолемей приплыл с большим флотом и стал подстрекать греческие города к отпадению, а Лисимах, вторгшись из Фракии в Верхнюю Македонию, разорял ее. Одновременно с ними Пирр пошел на Верою, полагая — и совершенно справедливо, — что Деметрий, выступив против Лисимаха, оставил без защиты Нижнюю Македонию. В ту ночь Пирру приснилось, будто его зовет Александр Великий; приблизившись, он увидел, что царь не в силах подняться с ложа, однако обращается к нему с ласковой и дружелюбной речью и обещает немедля помочь. Когда же он осмелился спросить: «Как ты, царь, сможешь помочь мне? Ведь ты болен!» — Александр ответил: «Одним моим именем» — и, сев верхом на нисейского коня поехал впереди Пирра. Ободренный этим сновидением, Пирр, не теряя времени, быстро прошел все расстояние до Верои, занял город и там остановился с большей частью войска, а остальные города захватили его полководцы. Услышав об этом и узнав, что недовольные македоняне в его лагере стали роптать,

Деметрий побоялся вести их дальше, чтобы они не перебежали к прославленному царю, македонянину по рождению, когда окажутся поблизости от него. Потому он повернул вспять и повел их на Пирра — чужестранца, ненавистного македонянам. Однако когда он разбил свой лагерь неподалеку от Пиррова войска, из Верои явилось множество людей, и все восхваляли Пирра — знаменитого, непобедимого в сражениях и в то же время милостивого и благосклонного к тем, кто оказывался под его властью. А некоторые, подсланные Пирром и выдававшие себя за македонян, говорили, что настало время избавиться от жестокости Деметрия и перейти на сторону Пирра, друга воинов и простого народа. И вот, подстрекаемые такими речами, многие македоняне стали искать и высматривать Пирра: он в это время был как раз без шлема, и они смогли узнать его только когда он, сообразив, что происходит, снова надел свой знаменитый шлем с султаном и козлиными рогами. Сбежавшись к нему, иные македоняне стали спрашивать у него пароль, а иные увенчали себя свежими ветвями дуба, ибо видели, что многие приближенные Пирра носят такие же венки. Нашлись и такие, кто осмелился заявить Деметрию в лицо, что, по их мнению, он поступит разумно, если все бросит и откажется от власти. Видя, что это не пустые слова и что им полностью отвечает настроение в лагере, Деметрий испугался и тайком бежал, надев широкополую шляпу и накинув простой плащ. Пирр двинулся на лагерь, без боя занял его и был провозглашен царем македонским. (12). Когда появился Лисимах и, считая разгром Деметрия общей заслугой, стал требовать у Пирра раздела власти, тот принял его предложение, потому что, сомневаясь в македонянах, не мог твердо на них положиться, и цари поделили между собою страну и города.

Сперва это решение послужило им на пользу и прекратило войну, но вскоре оба убедились, что раздел власти стал для них не концом вражды, а лишь источником распрей и взаимных обвинений. Пирр [...], желая помешать и воспрепятствовать Деметрию, вновь крепнувшему и набиравшему сил, точно после тяжелой болезни, явился в Афины, чтобы оказать помощь грекам. Поднявшись на акрополь, он принес жертвы Афине и в тот же день, сойдя вниз, объявил народу, что доволен его расположением и верностью и что афиняне, если они в здравом уме, уже не впустят в город никого из царей и ни перед кем не раскроют ворота. Затем Пирр заключил мир с Деметрием, но вскоре, когда тот отправился воевать в Азию, он по совету Лисимаха стал побуждать Фессалию к отпадению и тревожить набегами греческие гарнизоны, используя отряды македонян, которые были надежнее в походе, чем на отдыхе; впрочем, и сам он не был рожден для мирной жизни. После поражения Деметрия в Сирии Лисимах, избавленный от постоянной заботы и тревоги, двинулся, наконец, на Пирра, который стоял лагерем под Эдессой. Сперва он напал на обозы, подвозившие продовольствие, захватил их и этим вызвал в войске Пирра голод, затем письмами и речами побудил знатнейших македонян к измене, пристыдив их за то, что они поставили над собой господином чужестранца, чьи предки всегда были рабами македонян, а друзей и ближайших соратников Александра изгнали из Македонии. Когда многие склонились на уговоры Лисимаха, Пирр, испугавшись, ушел с войсками эпиротов и союзников, потеряв Македонию так же, как прежде приобрел. Значит, цари не имеют оснований обвинять народ, что он всегда на стороне того, с кем выгодней идти: ведь, поступая так, народ лишь подражает им, подлинным наставникам в вероломстве и предательстве, верящим, что наиболее преуспевает тот, кто меньше всего считается с правом.

[Рассказ о войнах Пирра в Италии и Сицилии]

26. Так рухнули все надежды Пирра в Италии и в Сицилии; шесть лет потратил он на эти войны и хотя был побежден, но и в поражениях сохранил свое мужество непоколебленным и по-прежнему считался повсюду самым опытным, сильным и отважным из современных ему царей. Однако добытое подвигами он терял ради надежд на будущее и, алчущий далекого и нового, не мог удержать достигнутого, если для этого нужно было проявить упорство. Поэтому Антигон и сравнил Пирра с игроком в кости, который умеет сделать ловкий бросок, но не знает, как воспользоваться своей удачей.

Вернувшись в Эпир с восемью тысячами пехотинцев и пятьюстами всадниками, растратив всю казну, Пирр стал искать новой войны, чтобы прокормить войско. К нему присоединились некоторые из галатов, и он напал на Македонию, где царствовал тогда Антигон, сын Деметрия. Целью его был захват добычи, но после того как ему удалось взять многие города и две тысячи неприятельских воинов перешли на его сторону, Пирр, преисполнившись надеждами, пошел в наступление на самого Антигона и, напав на него в узком ущелье, поверг в смятение все его войско. Только многочисленный отряд галатов в тылу у Антигона упорно сопротивлялся, и в завязавшемся жестоком бою большинство их было перебито, а вожаки слонов, окруженные вместе с животными, сдались в плен. Увеличив таким образом свои силы и более полагаясь на свою удачу, чем трезво все размыслив, Пирр ударил на фалангу македонян, которые после понесенного галатами поражения были полны смятения и страха. Македоняне уклонились от боя, и тогда Пирр, простерши к ним руку, стал поименно окликать подряд всех начальников, и старших, и младших, чем и побудил пехоту Антигона перейти на его сторону. Отступая, Антигон удержал за собой всего несколько прибрежных городов. [...]

Тотчас после сражения Пирр захватил Эги и другие города, где не только сам всячески притеснял жителей, но и разместил караульные отряды галатов, служивших в его войске. А галаты, народ крайне алчный, принялись разрывать могилы похороненных в Эгах царей, причем сокровища они расхитили, а кости, осквернив, разбросали. Пирр, кажется, не придавал их поступку большого значения и то ли за недосугом отложил наказание, то ли вообще не осмелился покарать варваров, из-за чего ему и пришлось услышать от македонян немало упреков.

Не дождавшись, пока его дела устроятся и положение упрочится, Пирр опять увлекся новыми надеждами. Он насмеялся над Антигоном, называя его бесстыдным за то, что тот не надевает плаща и продолжает носить царскую порфиру, и охотно поддался на уговоры Клеонима Спартанского, который прибыл, чтобы звать его в Лакедемон.

[Рассказ о войнах Пирра в Пелопоннесе]

30. [...] Но того, чему суждено свершиться, нельзя избежать. В Аргосе шли распри между Аристеом и Аристиппом. И так как Аристипп считался другом Антигона [*сына Деметрия Полиоркета*], то Аристей поспешил призвать в Аргос Пирра. Пирр, всегда легко переходивший от одной надежды к другой, всякий успех считал лишь началом дела, а каждую неудачу стремился возместить новыми подвигами; поэтому ни победа, ни поражение не приносили мира и покоя ни ему, ни его противникам. Немедленно двинулся он на Аргос. Арей же, устроив множество засад и заняв труднопроходимые места на его пути, отрезал от войска шедших в хвосте галатов и молоссов. Один гадатель, рассмотрев внутренности жертвенных животных, счел знамения неблагоприятными и предсказал Пирру, что ему суждено потерять одного из близких. Но среди шума и суеты Пирр совсем позабыл о предсказании и велел своему сыну Птолемею, взяв телохранителей, идти на помощь хвостовому отряду, а сам двинулся вперед, чтобы поскорее вывести войско из теснин. Вокруг Птолемея завязалась ожесточенная битва, отборные лакедемонские воины во главе с Эвалком врукопашную бились со стоявшими впереди царского сына македонянами, и тут критянин из Аптеры по имени Оресс, человек воинственный и проворный, сбоку подбежал к отважно сражавшемуся юноше, ударил его копьем и поверг наземь. После его гибели те, кто был рядом с ним, обратились в бегство, лакедемоняне, преследуя их, забыли обо всем и вырвались на равнину, оставив своих гоплитов позади. И тут на них повернул молосскую конницу Пирр, уже услышавший о смерти сына и потрясенный горем. Он первым ворвался в ряды спартанцев, стремясь убийством насытить жажду мести, и хотя в бою он всегда казался страшным и непобедимым, но на этот раз своей дерзостью и силой затмил все, что бывало в прежних битвах. Когда он направил своего коня на Эвалка, тот, уклонившись в сторону, мечом разрубил поводья Пирра и чуть было не отсек руку, державшую их. Пирр в то же мгновенье ударом копья поразил Эвалка и, спрыгнув с седла, в пешем бою уложил рядом с Эвалком весь его отборный отряд. К таким бессмыс-

ленным потерям привело Спарту уже после конца войны чрезмерное честолюбие ее правителей.

31. Словно бы почтив убитого сына такой жертвой и в гневе на врагов изливши большую часть своей скорби, Пирр справил пышные поминальные игры и пошел дальше на Аргос. Узнав, что Антигон уже занял высоты над равниной, он стал лагерем близ Навплии. На следующий день он послал к Антигону вестника, называя царя погубителем и приглашая сойти на равнину, чтобы сразиться за власть. Тот отвечал, что на войне для него важнее удобный момент, чем сила оружия, и что если Пирру не терпится умереть, то для него открыто множество путей к смерти. Между тем и к Пирру, и к Антигону прибыли из Аргоса послы с просьбой отойти от города и предоставить аргосцам возможность, не подчиняясь ни одному из них, сохранять дружбу с обоими. Антигон согласился и отдал аргосцам в заложники сына, а Пирр, также согласившись отступить, ничем не подтвердил своих обещаний и тем внушил горожанам большие подозрения. В это время Пирру явилось страшное знамение: в жертву приносили быков, их головы, уже отделенные от тел, на глазах у всех высунули языки и стали слизывать собственную кровь, а в Аргосе Аполлониды, прорицательница Ликейского бога, выбежала, крича, что ей привиделся город, полный убитых, и орел, который шел в сражение, а потом исчез.

32. В глубокой темноте Пирр приблизился к стенам и обнаружил, что ворота, именуемые Проходными, уже отперты для него Аристеем. Пока галаты Пирра крадучись входили в город и занимали площадь, им удалось остаться незамеченными. Но слоны не могли пройти в ворота, пришлось снимать с их спин башни, а потом в темноте вновь водружать их; это задержало нападающих, и аргосцы, услышав шум, поспешили занять Аспиду и другие укрепленные места и отправили гонцов к Антигону. Тот, приблизившись к городу, сам остановился, но послал на помощь аргосцам своего сына и полководцев с большим отрядом. Подошел и Арей с тысячей критян и легко вооруженных спартанцев. Вместе напав на галатов, они повергли их в смятение. В это время Пирр с шумом и криками вошел в город возле Киларабиса, и галаты в ответ тоже закричали, но в их крике не было бодрости и уверенности, — всем показалось, что это вопль страха и отчаяния. Тогда Пирр поспешно бросил вперед двигавшихся во главе войска всадников, но те лишь с большим трудом и риском для жизни могли проехать среди каналов, которыми был изрезан весь город. В этой ночной битве нельзя было разобраться ни в действиях войск, ни в приказах начальников. Разобщенные отряды блуждали по узким улицам, во мраке, в тесноте, среди доносившихся отовсюду криков; не было возможности руководить войсками, все медлили и ждали утра. Когда рассвело, Пирр устранился, увидев Аспиду, занятую вооруженными врагами, и заметив на площади среди множества украшений медную статую волка и быка, готовых схватиться друг с другом, он вспомнил давнее предсказание, что ему суждено погибнуть там, где он увидит волка, сражающегося с быком. Аргосцы говорят, что эта статуя стоит у них в память очень давнего события: когда Данай впервые вступил в эту страну, то по пути в Аргос, близ Пирамий в Фиреатиде, он увидел волка, сражающегося с быком. Решив, что он сам, чужестранец, напавший на местных жителей, подобен этому волку, Данай стал наблюдать драку. Когда волк победил, Данай вознес мольбы Аполлону Ликейскому и, одолев и изгнав с помощью мятежных аргосцев царствовавшего тогда в Аргосе Геланора, захватил власть. (33). Заметив статую и видя к тому же, что ни одна из его надежд не сбывается, Пирр пал духом и решил отступить; опасаясь узких ворот, он послал своему сыну Гелену, оставшемуся со значительными силами вне города, приказ разрушить часть стены и помочь выходящим, если враг будет наседавать на них. Однако в спешке и суматохе гонец неясно передал приказ, произошла ошибка, и юноша, взяв остальных слонов и самых сильных солдат, вошел через ворота в город на помощь отцу. Пирр в это время уже отходил. Сражаясь на площади, где было достаточно места и для отступления и для боя, Пирр, повернувшись лицом к врагу, отражал его натиск. Но его оттеснили в узкую улицу, которая вела к воротам, и там он столкнулся со спешившими на помощь войсками. Пирр закричал, чтобы они повернули назад, но большинство его не услышало, а

тем, кто готов был повинаться, преграждали путь новые отряды, вливавшиеся в город через ворота. Кроме того, самый большой слон, упав поперек ворот, лежал, трубя и мешая отступающим пройти, а другой слон, из тех, что вошли в город раньше, по кличке Никон, ища раненого вожака, упавшего с его спины, неся навстречу отступавшим, гоня и опрокидывая вперемешку врагов и друзей, пока, наконец, не нашел труп и, подняв его хоботом и подхватив обоими клыками, не повернул назад, словно взбесившись, валя наземь и убивая всех встречных. Сбитые в кучу и плотно прижатые друг к другу, воины не могли ничего предпринять поодиночке: словно единое тело, толпа ворочалась и колыхалась из стороны в сторону. Мало кто бился с врагами, зажатými между воинами Пирра или заседавшими сзади, — большей частью солдаты ранили друг друга, ибо тот, кто обнажил меч или замахивался копьем, не мог ни опустить руку, ни вложить клинок в ножны: оружие разило, кого придется, и люди гибли от руки своих же товарищей.

34. Пирр, оглядев бушевавшие вокруг бурные волны, снял диадему, украшавшую шлем, передал ее одному из телохранителей и, доверившись коню, напал на врагов, следовавших за ним по пятам. Копье пронзило ему панцирь, и он, получив рану, не смертельную и даже не тяжелую, устремился на того, кто нанес удар. То был аргосец, незнатный человек, сын бедной старой женщины. Она в это время, как и остальные аргивянки, с крыши дома глядела на битву и, увидев, что ее сын вступил в единоборство с Пирром, испуганная грозившей ему опасностью, сорвала с крыши черепицу и обеими руками бросила ее в Пирра. Черепица ударила его в голову ниже шлема и перебила позвонки у основания шеи; у Пирра помутилось в глазах, руки опустили поводья, и он упал возле святилища Ликимния, почти никем не признанный. Некий Зопир, воевавший на стороне Антигона, и еще два-три человека подъехали к нему и, узнав, оттащили его в преддверие какого-то дома. Между тем Пирр начал приходить в себя, Зопир вытащил иллирийский меч, чтобы отсечь ему голову, но Пирр так страшно взглянул на него, что тот, перепуганный полным смятения и трепета, сделал это медленно и с трудом, то опуская дрожащие руки, то вновь принимаясь рубить, не попадая и нанося удары возле рта и подбородка. Между тем многие слышали о случившемся, и Алкионей, желая убедиться, подъехал и потребовал голову. С нею он ускакал к отцу и бросил ее перед царем, сидевшим в кругу приближенных. Взглянув и узнав Пирра, Антигон палочными ударами прогнал сына, называя его варваром и нечестивцем, а потом, прикрыв глаза плащом, заплакал, вспомнив о деде своем Антигоне и об отце Деметрии, которые в его собственной семье являли пример переменчивости судьбы. Украсив голову и тело Пирра, он предал их сожжению, а когда Алкионей встретил Гелена, жалкого, одетого в бедный плащ, и, дружелюбно приветствовав его, привел к отцу, Антигон сказал: «Сейчас, мой сын, ты поступил лучше, чем тогда; но ты сделал неправильно, не сняв с него этой одежды, ибо больше, чем его, она позорит нас, которых считают победителями». После этого он по-дружески принял Гелена и, пристойно одев его, отправил в Эпир, а заняв лагерь Пирра и захватив в плен все его войско, обошелся с его друзьями кротко и благосклонно.

Вопросы по тексту источника:

1. В какой известной битве Пирр в молодости сражался на стороне Антигона Монофталма?
2. Почему Пирру удалось сравнительно легко стать царем Македонии?
3. Кто из эпигонов был основным соперником Пирра после его возвращения из Италии?
4. Опишите обстоятельства гибели Пирра.
5. Какую анатомическую особенность Пирра отмечает Плутарх?

Карта 1. Эллинистические государства до битвы при Ипсе

Карта с сайта <http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Diadoch.png>

Задания по карте 1:

1. Найдите на карте государство Антигона Монофталма, обозначьте его столицу.
2. В чем была уязвимость географического положения государства Антигона?

Территория, на которой велись войны диадохов

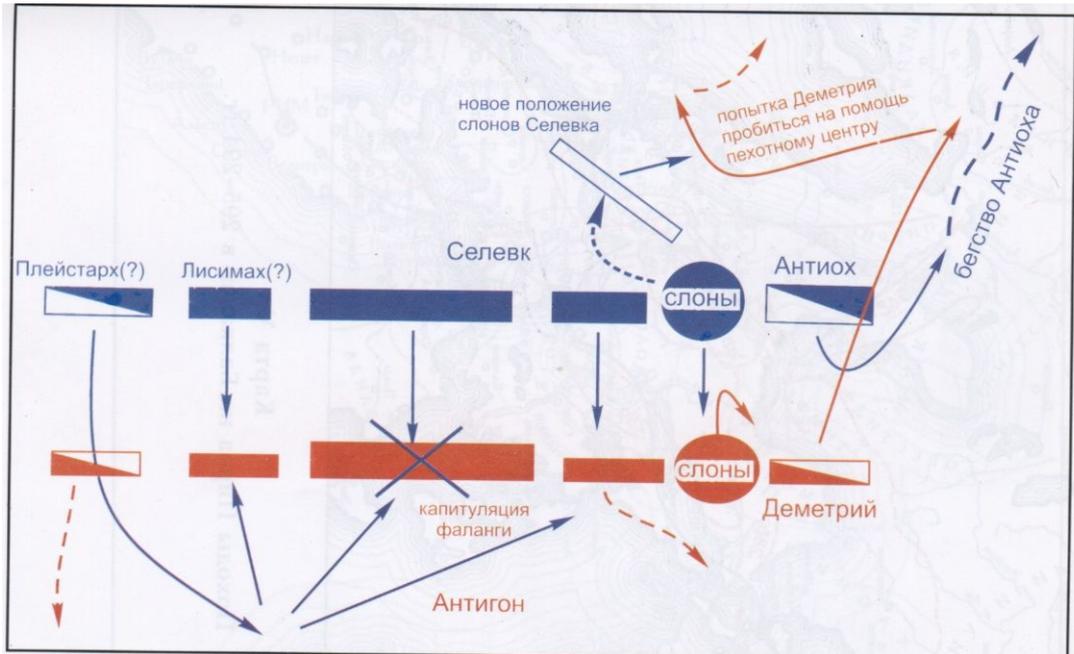
Карта 2. Территория ведения военных действий диадохами

Задание по карте 2:

1. Назовите и покажите на карте исторические области, входившие в состав государства Антигона.

Карта из издания: Королев К. Войны античного мира: Македонский гамбит. М; СПб., 2003.

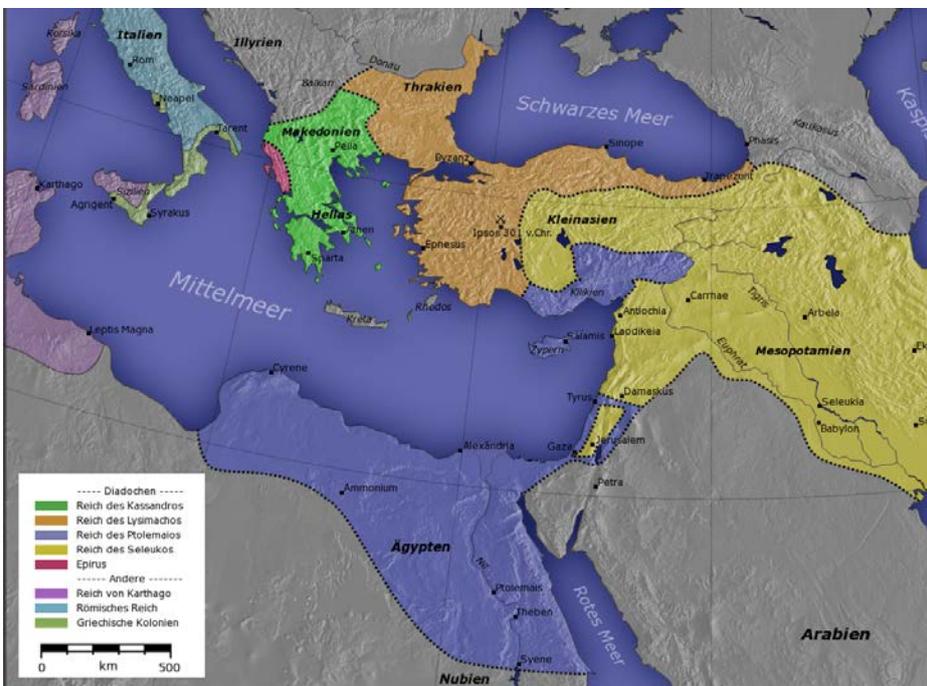
Карта 3. Битва при Ипсе

Карта из издания: Светлов Р.В. Пирр и военная история его времени. СПб., 2006.

Задание по карте 3: Изложите ход битвы, используя карту.

Карта 4. Государства диадохов после битвы при Ипсе

Карта с сайта <http://commons.wikimedia.org/wiki/File:PtolemaicEmpire.png>

Задания по карте 4:

1. Найдите место битвы при Ипсе. 2. Какие области в результате раздела государства Антигона достались Лисимаху, Селевку, Птолемею?